

Жорж Сименон

Мегрэ и старая дама

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

ВЛАДЕЛИЦА "ГНЕЗДЫШКА"

Со скорого поезда Париж - Гавр он сошел на унылой станции Бреотэ-Безвилль. Для этого пришлось подняться в пять утра, когда такси на парижских улицах не поймать, и добираться до Сен-Лазарского вокзала первым поездом метро. Теперь ему еще предстояла пересадка.

- Скажите, пожалуйста, когда отходит поезд на Этрета?

Часы показывали начало девятого. День давно уже наступил, но здесь из-за сырости и дождя казалось, что только светает.

При станции не было ни ресторана, ни буфета, и лишь по другую сторону дороги виделось некое подобие закусочной, возле которой стояли фургоны торговцев скотом.

- На Этрета? Еще не скоро. Вон где ваш поезд.

Ему указали на стоявшие далеко от платформы вагоны без паровоза, допотопные вагоны зеленого, теперь уже непривычного цвета. За стеклами вагонных окон можно было разглядеть неподвижные фигуры нескольких пассажиров, которые, казалось, торчали там со вчерашнего дня. Выглядело все это несерьезно, что-то было в этом от мира игрушек, от детских рисунков.

Целое семейство - несомненно, парижане! - Бог знает почему мчалось во весь дух, перепрыгивая через рельсы, к этому составу без паровоза. Трое ребятшек держали в руках сачки для креветок.

Это и переключило его на иной лад. На мгновение Мегрэ забыл о своем возрасте, ему почудился запах моря, хотя до него было добрых двадцать километров; ему послышался даже размеренный шум прибоя... Он поднял голову и не без почтения посмотрел на серые тучи, плывшие, вероятно, с морского простора.

Он ведь родился и вырос вдали от моря. В его сознании море всегда оставалось таким: сачки для креветок, игрушечные поезда, мужчины в мятых фланелевых штанах, пляжные зонтики, продавцы ракушек и сувениров, маленькие бистро, где устрицы запивают белым вином, семейные пансионаты с одинаковым и неповторимым запахом. Обычно мадам Мегрэ уже через несколько дней становилось не по себе в этих пансионатах, она томилась от безделья и охотно стала бы помогать мыть посуду на кухне.

Он, конечно, понимал, как призрачны эти ощущения. Но каждый раз, приближаясь к морю, помимо воли опять погружался в этот игрушечный мир, где, казалось, ничего серьезного и произойти не может.

За время службы ему не раз приходилось вести следствие на побережье. Случались там и настоящие драмы.

Но и теперь, попивая кальвадос в закуской, он чуть было не улыбнулся, вспомнив о старой даме по имени Валентина и ее приемном сыне, которого зовут Бессон.

Уже начался сентябрь. Среда, шестое число. В этом году опять не удалось побывать в отпуске. ...Накануне, около одиннадцати часов, старый привратник вошел в его кабинет на набережной Орфевр и протянул визитную карточку с черной каймой:

ВДОВА ФЕРНАРА БЕССОНА.

Вилла "Гнездышко". Этрета.

- Она хочет видеть меня лично?

- Да. И настоятельно просит вас уделить ей хотя бы минуту. Утверждает, что специально приехала из Этрета.

- Как она выглядит?

- Это старая дама. Очаровательная старая дама.

Он велел впустить ее. И действительно, вошла обаятельнейшая пожилая дама, какую можно лишь вообразить. Изящная, миниатюрная, с нежным румянцем и белоснежными волосами, она была так моложава и грациозна, что походила скорее на юную актрису, играющую роль пожилой маркизы.

- Вероятно, вы меня не знаете, господин комиссар.

Поэтому я еще больше ценю вашу любезность. Я же, напротив, много лет знаю вас по отчетам о потрясающих преступлениях, которые вам удавалось раскрыть.

Если вы приедете ко мне, а я на это надеюсь, я покажу вам целую кипу газетных вырезок, где говорится о вас.

- Благодарю вас.

- Меня зовут Валентина Бессон. Это имя, конечно, вам ничего не говорит. Но вы, вероятно, поймете, кто я, если я добавлю, что мой муж, Фернан Бессон, был создателем косметического крема "Жюва".

В своем достаточно солидном возрасте Мегрэ не мог не знать слова "Жюва". Совсем еще молодым он встречал его в газетных объявлениях и на рекламных плакатах и теперь, кажется, припоминал даже, что его мамаша пользовалась кремом "Жюва" в дни, когда надевала самые нарядные платья.

Сидящая перед ним пожилая дама была одета с изысканной элегантностью, только обилие драгоценностей делало ее туалет чуть старомодным.

- Мой муж умер пять лет назад, и с того времени я живу одна в своем домике в Этрета. Точнее, до прошлого воскресенья со мной жила еще служанка, местная девушка, работавшая у меня несколько лет. В ночь с воскресенья на понедельник, господин комиссар, она умерла - некоторым образом вместо меня. Именно поэтому я и приехала к вам умолять о помощи.

Говорила она спокойно и лишь легкой улыбкой словно извинялась, что ей приходится рассказывать о столь трагических вещах.

- Я не сумасшедшая, не пугайтесь, и не сумасбродная старуха. Когда я говорю, что Роза - так звали мою служанку - умерла вместо меня, я почти уверена, что не ошибаюсь. Позвольте мне в нескольких словах рассказать о том, что произошло.

- Прошу вас.

- Я плохо сплю и вот уже двадцать лет каждый вечер принимаю снотворное - довольно горькую микстуру с сильным привкусом аниса. Я говорю об этом со знанием дела, так как мой муж был фармацевтом.

В воскресенье перед сном, как и в другие вечера, я налила снотворное в стакан. Роза была подле меня, когда я уже лежала в постели и собиралась выпить лекарство. Отпила глоток, и мне показалось, что на этот раз оно горчит больше обычного.

"Наверное, я налила больше двенадцати капель, Роза.

Сегодня я не стану его пить". - "Спокойной ночи, мадам", - сказала она и, как обычно, унесла стакан. Как знать, она только попробовала его из любопытства или выпила до дна? Вероятнее всего, последнее: пустой стакан нашли в ее комнате.

Около двух часов ночи меня разбудили стоны, мой дом невелик. Я поднялась и, выйдя из спальни, встретила свою дочь, которая тоже была на ногах...

- Я полагал, что вы живете только со служанкой?

- В то воскресенье, третьего сентября, был день моего рождения, и дочь, приехавшая из Парижа навестить меня, осталась переночевать.

Не стану отнимать у вас время, господин комиссар.

Розу мы нашли при смерти в ее постели. Моя дочь бросилась вызывать доктора Жолли, но, когда он приехал, Роза уже умерла после обычных в подобных случаях судорог. Врач, не колеблясь, определил, что она отравлена мышьяком.

Она была не из тех девушек, которые кончают с собой, ела она то же, что и мы. Стало быть, яд почти наверняка находился в предназначенном мне лекарстве...

- Вы подозреваете кого-нибудь в попытке убить вас?

- Кого я могу подозревать? Доктор Жолли, мой давний друг, лечивший еще моего мужа, позвонил в полицию Гавра, и в понедельник утром к нам прибыл инспектор.

- Как его зовут?

- Инспектор Кастэн. Краснощекий мужчина, брюнет.

- Я знаю его. Что же он говорит?

- Ничего. Опрашивает местных жителей. Тело же отправили в Гавр для вскрытия...

Ее прервал телефонный звонок. Мегрэ взял трубку.

Звонил директор сыскной полиции.

- Поднимитесь ко мне на минутку, Мегрэ!

- Сейчас?

- Да. Если можно.

Он извинился перед старой дамой: его вызывает шеф.

- Вас не соблазнила бы перспектива провести несколько дней на море? - спросил Мегрэ директор.

Мегрэ ответил наугад:

- В Этрета?

- Вы уже в курсе?

- Не знаю. Расскажите подробнее.

- Только что мне позвонили из канцелярии министра. Вы знаете Шарля Бессона?

- Крем "Жюва"?

- Не совсем так. Это его сын. Шарль Бессон живет в Фекане. Два года назад был избран депутатом от Нижней Сены.

- А мать его живет в Этрета?

- Не мать, а мачеха, она вторая жена его отца. Учтите, все то, о чем я вам говорю, мне только что сообщено по телефону. Шарль Бессон обратился к министру с просьбой, чтобы вы, хотя это и не входит в ваши служебные обязанности, согласились заняться делом в Этрета.

- Служанка его мачехи была отравлена в ночь с воскресенья на понедельник.

- Вы что, читаете нормандские газеты?

- Нет. Старая дама у меня в кабинете.

- И она тоже хочет, чтобы вы поехали в Этрета?

- Совершенно верно. Она специально приехала ко мне, из чего, пожалуй, можно заключить, что пасынок обратился к министру без ее ведома.

- Что же вы решили?

- Это зависит от вас, патрон...

Вот почему в среду утром, чуть позже половины десятого, Мегрэ сел наконец в местный поезд на станции Бреотэ-Безвилль, в тот самый поезд, который казался ему игрушечным, и сразу высунулся в окошко, чтобы быстрее увидеть море.

По мере того как оно приближалось, небо светлело, и, когда поезд вынырнул из лощины между поросшими травой холмами, небо оказалось чистым, лишь несколько легких, прозрачных облачков висело в его голубизне.

Накануне Мегрэ позвонил в оперативную группу Гавра, чтобы там предупредили инспектора Кастэна о его приезде, но сейчас, на вокзале, он тщетно пытался отыскать его на платформе. Встречавшие кого-то женщины в летних платьях и полуголые детишки оживляли перрон. Начальник станции, нерешительно оглядывавший прибывших, подошел наконец к комиссару:

- Вы, случайно, не комиссар Мегрэ?

- Случайно - да.

- У меня к вам письмо.

Он передал Мегрэ конверт. Инспектор Кастэн писал:

"Прошу прощения, что не встретил Вас. Сейчас я на похоронах в Ипоре. Рекомендую Вам остановиться в "Английской гостинице", где я надеюсь с Вами позавтракать. Там же я введу Вас в курс дела".

Было всего десять часов утра, и Мегрэ, прихвативший в дорогу лишь легкий чемодан, направился пешком к отелю, расположенному у самого пляжа.

Но, не заходя в отель, прямо с чемоданом, он пошел взглянуть на море, полюбоваться белыми скалами, возвышавшимися по обе стороны пляжа, усеянного галькой. Юноши, девушки резвились в волнах, играли в теннис за отелем, мамы удобно устроились с вязаньем в шезлонгах, старички попарно прогуливались вдоль берега.

Еще школьником он помнил, как его сверстники каждый год возвращались с моря загорелыми, напичканными всевозможными историями, с карманами, полными ракушек. Сам же он впервые увидел море много позже, когда давно уже зарабатывал себе на жизнь.

Ему стало чуть грустно оттого, что он не испытывает больше знакомого волнения и уже равнодушно смотрит и на сверкающие гребешки, и на лодку, зарывающуюся в высокую волну, и на инструктора плавания с голыми татуированными руками.

Запах отеля был настолько знакомым, что вдруг ему стало не хватать мадам Мегрэ: ведь этот запах они обычно вдыхали вместе.

- Вы надолго к нам? - спросили его в отеле.

- Еще не знаю.

- Я потому спрашиваю, что пятнадцатого сентября мы закрываемся, а сегодня уже шестое.

Да, все здесь закроется, как в театре: и киоски с сувенирами, и кондитерские; на окнах появятся ставни, только море и чайки будут хозяйничать на пустынном берегу.

- Вы знаете мадам Бессон? - спросил он у администратора отеля.

- Валентину? Конечно знаю. Она из этих мест, здесь родилась, здесь рыбачил ее отец. Я не знал ее ребенком, она старше меня, но хорошо помню, как она работала продавщицей в кондитерской сестер Серэ, Одна из сестер умерла, другая еще жива, ей девяносто два года, она соседка Валентины. Это ее сад обнесен голубым забором. Заполните, пожалуйста, карточку для приезжих.

Прочтя карточку, администратор - а может, это был сам хозяин - посмотрел на Мегрэ с нескрываемым интересом:

- Вы тот самый Мегрэ, из полиции? Специально ради этого дела приехали из Парижа?

- Инспектор Кастэн здесь остановился?

- Как вам сказать... Он с понедельника почти ежедневно обедает у нас, но каждый вечер возвращается в Гавр.

- Я жду его.

- Он на похоронах, в Ипоре.

- Да. Знаю.

- Вы полагаете, что кто-то на самом деле пытался отравить Валентину?

- Я еще не успел узнать ничего определенного.

- Это могли сделать только ее родственники.

- Вы имеете в виду ее дочь?

- Я никого не имею в виду и ничего не знаю. Но в прошлое воскресенье в доме Валентины - она называет его "Гнездышком" - было много родственников. И я не представляю, кто бы из местных мог быть зол на Валентину. Столько добра сделала эта женщина при жизни мужа, когда у нее были средства! И даже сейчас она все раздает, хотя далеко не так богата. Мерзкая это история, поверьте мне. Этрета всегда был спокойным местом. Сюда приезжают люди определенного круга, обычно семьями, я мог бы назвать вам...

Мегрэ предпочел пройтись по залитым солнцем улицам. На площади перед мэрией он прочел надпись над белой витриной: "Кондитерская Морэн - бывшее заведение Серэ".

У продавца он спросил, как пройти к "Гнездышку".

Ему указали дорогу, извиляющуюся по отлогому склону холма, у подножия которого несколько вилл утопало в садах. Он постоял в некотором отдалении от скрытого зеленью дома, из трубы которого медленно поднимался дымок и таял в бледной синеве неба.

Когда он вернулся в отель, инспектор Кастэн был уже там. Его маленькая черная "симка" стояла у подъезда, а сам он ждал на лестнице.

- Хорошо доехали, господин комиссар? Очень сожалею, что не смог встретить вас на вокзале. Я решил, что бесполезно побывать на этих похоронах. Судя по всему, таков и ваш метод.

- И что же там было?

Они зашагали вдоль берега.

- Не знаю, что и сказать. Прошли похороны скорее плохо. Обстановка была напряженной. Тело девушки привезли из Гавра сегодня утром, и родные прямо со станции отвезли ее на грузовике в Ипор. Семейство Трошо! Вы еще услышите о них. Здесь полно этих Трошо, и почти все они

рыбаки. Отец долгое время ловил сельдь в Фекане, тем же заняты сейчас его два старших сына. Роза была старшей из дочерей. У них есть еще две или три дочери, одна из них живет в Гавре, работает в кафе.

У Кастэна были густые волосы, низкий лоб, он излагал свои мысли с такой упрямой медлительностью, словно тянул на себе плуг.

- В Гавре я уже шесть лет и исколесил всю округу.

В здешних деревнях, особенно вблизи старых замков, встречаются еще смиренные люди, которые почтительно вспоминают своего барина. Есть и другие, более грубые, недоверчивые, иногда злобные. Я еще не знаю, к каким из них отнести Трошю, но сегодня на похоронах Валентину Бессон встретили холодно, почти враждебно.

- Меня только что убеждали, что она всеобщая любимица в Этрета.

- Но Ипор не Этрета. И Роза мертва.

- Значит, старуха была на похоронах?

- Как же, в первом ряду. Кое-кто называет ее помещицей, возможно, потому, что у нее был когда-то замок где-то в Орне или в Салоне, уж не знаю точно. Вы видели ее?

- Она приезжала ко мне в Париж.

- Она говорила мне, что собирается в Париж, но я не знал, что она ездила к вам. Что вы можете сказать о ней?

- Пока ничего.

- Она была колоссально богата. Много лет у нее был в Париже свой особняк на авеню Йены, собственный замок, собственная яхта. А "Гнездышко" - это так, пристанище на всякий случай.

Она приезжала сюда в большом лимузине с шофером, а сзади следовал другой автомобиль, с багажом. Все глазели на нее по воскресеньям, когда она отстаивала мессу в первом ряду (в церкви у нее всегда была своя скамья) и потом щедро раздавала милостыню. Если кому-нибудь приходилось туго, ему обычно советовали: "Ступай к Валентине". Многие, особенно среди пожилых, так и называли ее, по имени.

Сегодня утром она приехала в Ипор в такси и вышла из машины торжественно, как в прежние времена. Казалось, что это именно она руководит церемонией похорон.

Ее огромный венок, конечно, затмил все остальные...

Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что Трошю были раздражены и поглядывали на нее искоса. Она сочла своим долгом со всеми поздороваться за руку. Отец не глядя, весьма неохотно протянул ей свою. А старший сын Анри просто повернулся к ней спиной.

- Дочь мадам Бессон была с ней?

- В понедельник после обеда она возвратилась поездом в Париж. Я не вправе был удерживать ее. Должно быть, вы заметили, что я еще не совсем разобрался в этом деле? Однако я считаю, что необходимо снова ее допросить.

- Как она выглядит?

- Должно быть, мать выглядела так в ее возрасте, то есть в тридцать восемь лет. На вид дочери не дашь больше двадцати пяти. Миниатюрная, изящная, очень милостивая, с огромными, по-детски ясными глазами. А между тем какой-то мужчина - однако не ее муж - провел ночь с воскресенья на понедельник у нее в спальне, в "Гнездышке".

- Она вам об этом сказала?

- Нет. Это я обнаружил сам, но слишком поздно, чтобы расспросить у нее о деталях. Пожалуй, стоит рассказать вам все по порядку. Дело это намного сложнее, чем кажется с первого взгляда. Я кое-что записывал. Вы позволите?

Он вытащил из кармана роскошную записную книжку в красном кожаном переплете, совсем непохожую на дешевенькие блокноты, которыми обычно пользовался Мегрэ.

- В Гавре нас известили в понедельник, в семь утра, а в восемь, придя на работу, я обнаружил на столе записку. Я сел в "симку" и примерно к девяти был уже здесь. Шарль Бессон приехал на своей машине чуть раньше меня.

- Он живет в Фекане?

- Да, там у него дом, его семья живет там круглый год. Но с тех пор, как его выбрали депутатом, часть времени он проводит в Париже, где снимает квартиру в гостинице на бульваре Распай. Все воскресенье он провел здесь с семьей, то есть с женой и четырьмя детьми.

- Он ведь не сын Валентины?

- У Валентины нет сыновей, только одна дочь Арлетта, та, о которой я вам рассказывал. Она замужем за парижским дантистом.

- Муж ее тоже был здесь в воскресенье?

- Нет. Арлетта приезжала одна. Был день рождения ее матери. У них, кажется, в семье обычай навещать ее в этот день. Когда я спросил у Арлетты, каким поездом она приехала, она ответила, что утренним, то есть тем же, что и вы сегодня.

Но вы сейчас убедитесь, что она солгала! В понедельник, как только труп был отправлен в Гавр, я сразу же осмотрел все комнаты в доме. Работа не из легких. Дом хотя и невелик, но обставлен со вкусом, в нем масса всяких закоулков, хрупкой мебели и безделушек.

Комнаты Валентины и служанки - на втором этаже, а на первом есть только комната для гостей, в ней-то и останавливалась Арлетта. Передвигая тумбочку, я обнаружил мужской носовой платок, и мне показалось, что Арлетта, наблюдавшая за мной, вдруг сильно встревожилась. Она живо выхватила платок у меня из рук. "Надо же! Я увезла платок мужа".

К сожалению, я только вечером вспомнил о вышитой на платке букве "Э". Арлетта уехала. Я отвез ее на вокзал в своей машине и видел, как она купила билет в кассе.

Сам знаю, что это глупо, но только в машине я вдруг сообразил: почему же, уезжая из Парижа, она не взяла обратный билет? Возвратившись в зал ожидания, я стал расспрашивать контролера.

"Эта дама приехала в воскресенье десятичасовым поездом, не так ли?" - "Какая дама?" - "Та, которую я только что проводил". - "Мадам Арлетта? Нет, месье". - "Разве она приехала не в воскресенье?" - "Возможно, она приехала и в воскресенье, но только не поездом. Я проверял билеты, конечно, узнал бы ее". - Кастэн посмотрел на Мегрэ с некоторым беспокойством. - Вы меня слушаете?

- Да, конечно.

- Может быть, я рассказываю слишком подробно?

- Да нет же. Просто мне надо привыкнуть ко всему этому.

- К чему?

- Ко всему: к вокзалу, к Валентине, Арлетте, контролеру, Трошо. Ведь еще вчера я ничего не знал обо всем этом.

- Вернувшись в "Гнездышко", я спросил у старой дамы имя ее зятя. Оказывается, его зовут Жюльен Сюдр.

Ни имя, ни фамилия не начинаются с буквы "Э". Приемных сыновей мадам Бессон зовут Тео и Шарль. Правда, садовника, приходящего на виллу трижды в неделю, зовут Эдгар, но, во-первых, его не было в воскресенье, а во-вторых, меня уверили, что у него никогда не было больших носовых платков с красной каймой.

Не зная, с чего начать следствие, - продолжал Кастэн, - я принялся расспрашивать людей в городе.

И таким образом от продавца газет узнал, что Арлетта приехала не поездом, а в роскошном спортивном автомобиле зеленого цвета. Это упрощало дело. Владелец зеленого автомобиля, оказывается, остановился в воскресенье вечером в отеле, который я вам рекомендовал.

Им оказался некий Эрве Пейро, который записал в карточке для приезжих, что он винооторговец и живет в Париже на набережной Сент-Огюстен.

- Ночь он провел не в отеле?

- Он проторчал в баре до закрытия, то есть почти до полуночи, а потом, вместо того чтобы отправиться спать, куда-то пошел пешком, сказав, что идет к морю. Ночной сторож говорит, что Пейро вернулся что-то около половины третьего ночи. Я говорил со слугой, который чистит обувь в отеле, и от него узнал, что на подметках ботинок этого Пейро налипла красная глина. Во вторник утром, вернувшись в "Гнездышко", я обнаружил под окном у Арлетты следы на клумбе. Что вы скажете на это?

- Ничего.

- Ну а что касается Тео Бессона...

- Он тоже был в доме?

- Но не ночью. Вам ведь известно, что братья Бессоны - дети от первого брака и Валентина не их мать.

Я записал всю родословную семьи и, если хотите...

- Только не сейчас. Я голоден.

- Короче, Тео Бессон - холостяк, ему сорок восемь лет. Уже две недели, как он отдыхает в Этрета.

- У мачехи?

- Нет. Они не встречаются. Мне кажется, что они в ссоре. Он снял комнату в отеле "Белые скалы", который виден отсюда.

- Значит, он не был на вилле?

- Погодите, дело в том, что Шарль Бессон... - Бедняга Кастэн вздохнул, отчаявшись толково изложить дело. Особенно его смущало то, что Мегрэ, казалось, совсем его не слушает. - В воскресенье утром Шарль Бессон приехал в одиннадцать часов вместе с женой и четырьмя детьми. У них свой автомобиль, огромный "панар" старого образца. Арлетта приехала до них. Они все вместе позавтракали в "Гнездышке". Затем Шарль Бессон отправился на пляж со старшими детьми: мальчиком пятнадцати лет и девочкой двенадцати. А в это время дамы болтали.

- Он встретился с братом?

- Совершенно верно. Подозреваю, что Шарль Бессон затеял эту прогулку, чтобы опрокинуть стаканчик в баре казино. По слухам, он не дурак выпить. Там он и повстречал Тео, о присутствии которого в Этрета не подозревал, и настоял, чтобы Тео пришел с ним в "Гнездышко". Тео в конце концов дал себя убедить.

Итак, за обедом семейство было в полном сборе. Обед был холодный - лангусты и жареная баранина.

- Обед никому не повредил?

- Нет. Кроме членов семьи, в доме была лишь служанка. Шарль Бессон уехал в половине десятого. Его пятилетний сын Клод проспал все это время в комнате хозяйки, а когда все уже садились в машину, заплакал их шестимесячный младенец, и ему пришлось дать соску.

- Как зовут жену Шарля Бессона?

- Кажется, Эмильенна. Хотя все зовут ее Мими.

- Мими, - с серьезным видом повторил Мегрэ, как будто заучивал наизусть урок.

- Полная брюнетка лет сорока.
 - Полная брюнетка? Так-так. Значит, они уехали около десяти?
 - Совершенно верно. Тео задержался на несколько минут. И затем, кроме трех женщин, в доме уже никого не оставалось.
 - Валентина, ее дочь Арлетта и Роза?
 - Совершенно верно. Роза мыла посуду на кухне, а мать и дочь болтали в гостиной.
 - Все комнаты на втором этаже?
 - Кроме комнаты для гостей, как я вам уже объяснял. Она на первом этаже, окна выходят в сад. Вы увидите "Гнездышко" - настоящий кукольный домик, с крошечными комнатами.
 - Арлетта не поднималась в комнату к матери?
 - Около десяти часов они вместе прошли туда: старой даме захотелось похвастаться перед дочерью новым платьем.
 - Спустились они вместе?
 - Да. Затем Валентина снова поднялась к себе - укладываться спать. Через несколько минут за ней прошла Роза. Она обычно помогала хозяйке лечь в постель и подавала ей снотворное.
 - Она же его и готовила?
 - Нет. Валентина заранее закапывает лекарство в стакан с водой.
 - Арлетта больше не поднималась?
 - Нет. И в половине двенадцатого Роза тоже легла спать.
 - А около двух часов она начала стонать?
 - Это время называют Арлетта и ее мать.
 - И значит, по-вашему, между полуночью и двумя часами в комнате Арлетты находился мужчина, с которым она приехала из Парижа? А вам неизвестно, чем занимался Тео этой ночью?
 - До сих пор у меня не было времени выяснить это, и, признаюсь, мне даже и мысль такая не приходила.
 - Что ж, пойдем завтракать.
 - С удовольствием.
 - А здесь можно заказать ракушки в соусе?
 - Думаю, можно. Хотя не уверен. Я только знакомлюсь с меню.
 - Сегодня утром вы побывали в доме родителей Розы?
 - Только в первой комнате, где стоял гроб.
 - Нет ли у них ее хорошей фотографии?
 - Могу спросить.
 - Сделайте это. Возьмите все фотографии, какие только сможете найти, даже детские, всех возрастов.
- Кстати, сколько ей было лет?
- Двадцать два или двадцать три. Рапорт составлял не я, и...
 - Она, кажется, давно служила у старой дамы?
 - Семь лет. К Валентине она поступила совсем молоденькой, еще при жизни Фернана Бессона. Плотная, румяная девица, с пышным бюстом...
 - Она никогда не болела?
 - Доктор Жолли ничего об этом не говорил. Думаю, что он сказал бы мне.
 - Хотелось бы знать, были у Розы поклонники или, может быть, любовник?

- Я тоже подумал об этом. Как будто нет. Она была очень серьезной девушкой и редко выходила из дому.

- Может быть, ее не отпускали?

- Я не совсем уверен, но похоже, что Валентина строго следила за ней и неохотно давала выходные.

Все это время они гуляли вдоль берега. Мегрэ не сводил глаз с моря, но словно даже не замечал его. Все было кончено. Утром в Бреотэ-Безвилле он еще испытал приятное волнение. Игрушечный поезд напомнил ему о прежних каникулах. А сейчас он уже не замечал цветных купальников женщин, ребят, растянувшихся на гальке, не ощущал йодистого запаха водорослей. Лишь мельком осведомился, будут ли к обеду ракушки в соусе. Голова его была заполнена новыми именами, которые он пытался разместить в своей памяти так, как сделал бы это в своем кабинете на набережной Орфевр.

Вместе с Кастэном он уселся за стол, накрытый белой скатертью, на котором в узкой вазе поддельного хрусталя стояли гладиолусы.

Может быть, это признак старости? Он повернул голову к окну, чтоб еще раз увидеть белые барашки на море, и его огорчило, что он снова не почувствовал никакого душевного трепета.

- Много было народу на похоронах?

- О, там был весь Ипор, не считая приехавших из Этрета и таких местечек, как Лож, Вокотт; были и рыбаки из Фекана.

Ему припомнились деревенские похороны, даже показалось, что он вдыхает запах кальвадоса. И он спросил с самым серьезным видом:

- Наверное, мужчины напьются сегодня вечером?

- Весьма возможно, - согласился Кастэн, слегка удивленный ходом мыслей прославленного комиссара.

Ракушек в меню не оказалось, на закуску они заказали сардины в масле и сельдерей под острым соусом.

Глава 2

ПРОШЛОЕ ВАЛЕНТИНЫ

Не найдя звонка, он толкнул калитку, оказавшуюся незапертой, и вошел в сад. Нигде еще не встречал он такого обилия растительности на столь ограниченном участке земли. Цветущие кусты росли так тесно, что напоминали о джунглях. А из каждого свободного уголка выглядывали георгины, хризантемы, люпины и другие цветы, названий которых Мегрэ не знал - их изображения он встречал только в витринах, на веселых, красочных этикетках пакетов с семенами.

Шиферная крыша дома, которую он заметил с дороги, все еще была скрыта зеленью. Дорожка петляла, и он сворачивал то налево, то направо, пока наконец не вышел на задний двор, вымощенный большими розовыми плитками. Здесь были кухня и прачечная.

Плотная, черноволосая, чуть с проседью крестьянка, одетая в черное, мрачно выколачивала матрас. Вокруг нее под открытым небом в беспорядке была расставлена мебель спальни комнаты. Раскрытая тумбочка, стул с соломенным сиденьем, разобранный кровать. Занавеси и одеяла на веревке.

Не прекращая работы, женщина разглядывала его.

- Мадам Бессон дома?

Она молча указала ему на окна, увитые диким виноградом. Сквозь стекла он увидел Валентину в гостинной.

Она не ждала, что он пройдет задним двором, и, не подозревая о его присутствии, готовилась его встретить.

Поставив на круглый столик серебряный поднос с хрустальным графином и рюмками, она отступила на шаг, чтобы оценить эффект, затем поправила прическу, разглядывая себя в старинное зеркало в резной оправе.

- Постучите, - не очень любезно сказала крестьянка.

Он только теперь заметил дверь, выходящую на балкон, и постучал в нее. Валентина удивленно обернулась, но тут же на ее лице появилась предназначенная ему улыбка.

- Я знала, что вы придете, но надеялась встретить вас у парадного входа, если только слово "парадный" подходит к моему домику.

В первые мгновения у него снова появилось то же впечатление, что в Париже. Она была так оживленна, так резва, что напоминала молодую, даже очень молодую женщину, лишь переодетую старой дамой для любительского спектакля. И при этом она не молодилась.

Напротив, покрой ее черного шелкового платья, прическа, широкий бархатный волан вокруг шеи - все подходило к ее возрасту.

Потом, разглядев ее внимательнее, он заметил и мелкие морщинки, и увядшую кожу, и ту сухость рук, которая не может обмануть.

- Позвольте вашу шляпу, господин комиссар, и выберите кресло, где будет вам удобно. В моем кукольном домике вы должны чувствовать себя не совсем свободно, не правда ли?

Она все время словно подшучивала над собой и, видимо, знала, что это прибавляет ей очарования.

- Вам, должно быть, уже говорили, а если нет, наверняка скажут, что у меня есть странности. У меня действительно масса причуд. Вы не можете себе представить, сколько чудачеств появляется у одиноких людей. Может быть, вы присядете в это кресло у окна и доставите мне удовольствие - закурите вашу трубку?

Мой муж с утра до вечера курил сигару. Сигарный дым заполнял весь дом. Между нами, я даже думаю, что это ему не нравилось, - курить он стал поздно, после сорока. Как раз тогда, когда крем "Жюва" приобрел известность. - Она быстро, словно извиняясь за свою навязчивость, добавила:

- У каждого свои слабости.

Надеюсь, вы уже пили кофе в отеле? Тогда позвольте предложить вам рюмку кальвадоса, которому уже больше тридцати лет.

Он понял, что глаза молодят ее ничуть не меньше, чем живость. Бледно-голубые, как сентябрьское небо над морем, они сохраняли всегда изумленное, восторженное выражение, какое могло быть у Алисы в стране чудес.

- Если вас не шокирует, я также выпью с вами капельку, чтобы вы пили не один... Как видите, я не скрываю свои маленькие слабости. В доме у меня все вверх дном, я только что вернулась с похорон бедняжки Розы. Больших трудов стоило мне уговорить мамашу Леруа помочь убраться. Вы, наверное, догадались, что во двор вынесена мебель из комнаты Розы. Я ужасно боюсь смерти, господин комиссар, и всего, что с ней связано! До тех пор, пока весь дом от фундамента до крыши не будет вычищен и проветрен, меня будет преследовать запах смерти.

Лучи солнца сквозь кроны лип и оконное стекло проникли в комнату и заиграли на мебели золотистыми зайчиками.

- Я и не подозревала, что прославленный комиссар Мегрэ когда-нибудь будет сидеть в этом кресле.

- Вы, кажется, говорили, что собираете газетные вырезки о моей работе?

- Как же! Я часто вырезала их. Помню, еще девочкой собирала газетные вырезки - приключенческие романы с продолжением.

- Они у вас здесь?

- Сейчас поищу.

Он не уловил сомнения в ее голосе. Слишком уж уверенно направилась она к старинному секретеру, пошарила в его ящиках, потом подошла к резному комоду.

- Может быть, они в моей комнате?

Она направилась к лестнице.

- Не утруждайте себя.

- Да нет же! Я очень хочу найти их. Я ведь догадываюсь, какие у вас мысли. Вы думаете, что в Париже я это сказала для того, чтобы польстить вам и убедить вас приехать сюда. Сказать по правде, бывает, что и приврешь иногда, как и все женщины, но, клянусь вам, это не тот случай.

Он слышал, как она ходила из угла в угол по верхней комнате. Спустившись, она довольно неловко разыграла сцену разочарования:

- Между нами, Роза не умела наводить порядок. Она, проще говоря, была неряхой. Завтра я поищу на чердаке.

Во всяком случае, я найду эти вырезки до вашего отъезда из Этрета. А теперь, я думаю, у вас есть масса вопросов ко мне, поэтому устроюсь-ка я поудобнее в своем бабушкином кресле. Ваше здоровье, господин Мегрэ.

- Ваше здоровье, мадам.

- Я вам не кажусь смешной?

Он вежливо покачал головой.

- Вы на меня не сердитесь за то, что я похитила вас с вашей набережной Орфевр? Не правда ли, забавно, что моему приемному сыну пришла в голову та же мысль, что и мне? Он очень гордится тем, что он депутат, и, разумеется, поступил иначе - обратился к министру. Скажите откровенно, вы приехали ради него или ради меня?

- Ради вас, конечно.

- Вы считаете, что мне следует чего-то опасаться?

Странно. Я никак не могу всерьез принять эту угрозу.

Говорят, что старые женщины боязливы. Но почему?

Ведь сколько таких же старых женщин, как я, живут тихо и уединенно! Роза спала в этом же доме, но трусила именно она и будила меня по ночам, когда ей мерещился шум на улице. Во время грозы она не выходила из моей комнаты и всю ночь в одной рубашке дрожала в моем кресле и бормотала молитвы.

А не боюсь я, возможно, потому, что ума не приложу, кто мог бы желать мне зла. Я ведь уже не богата. Все в округе знают, что я живу на скромную пожизненную ренту, оставшуюся после разорения. Этот дом также принадлежит только мне, никто не унаследует его. Мне кажется, я никому не причинила зла...

- Однако Роза мертва.

- Да, это так. Возможно, вы сочтете меня глупой и эгоисткой, но даже теперь, когда она уже в могиле, я с трудом верю в случившееся. Вы сейчас, конечно, захотите осмотреть дом. Рядом - столовая, а вот эта дверь ведет в комнату для гостей, где ночевала моя дочь. И, кроме кухни, прачечной и кладовой, на первом этаже ничего нет, а второй этаж и того меньше, потому что над кухней и прачечной нет надстроек.

- Дочь часто навещает вас?

На лице ее появилось смиренное выражение.

- Раз в год. В день моего рождения. Все остальное время я не вижу ее. И не получаю о ней известий. Она никогда не пишет мне.

- Она, кажется, замужем за зубным врачом?

- Я думаю, мне следует познакомить вас с историей всей семьи. Это естественно. Любите ли вы откровенность, господин Мегрэ? Или предпочитаете, чтоб я рассказывала вам как светская дама?

- Надо ли спрашивать, мадам?

- Вы еще не видели Арлетту?

- Нет еще.

Она достала из ящика старые конверты с фотографиями:

- Взгляните. Здесь ей восемнадцать лет. Говорят, она на меня похожа. Да, что касается внешности, я вынуждена согласиться.

Действительно, сходство поражало. Арлетта была так же миниатюрна, как ее мать, те же тонкие черты лица и, особенно, те же светлые большие глаза.

- Как говорится, ангел во плоти, не правда ли? Бедняга Жюльен поверил в это и женился на ней, хотя я его предупреждала. Он ведь славный малый, работяга, начинал он на пустом месте, с большим трудом закончил учение и сейчас работает по десять, а то и по больше часов в день в своем скромном зубо-врачебном кабинете на улице Сент-Антуан.

- Вы полагаете, они несчастливы?

- Он-то, может быть, и счастлив. Бывают ведь люди, которые умеют быть счастливыми... По воскресеньям он располагается с мольбертом где-нибудь на берегу Сены и рисует. У них есть лодка...

- Ваша дочь любит мужа?

- Посмотрите на эти фотографии и решите сами.

Может быть, она и способна любить, но я этого никогда не замечала. Когда я работала в кондитерской сестер Серэ, - вам, наверное, говорили об этом, - случилось, что она бросала мне в лицо: "Не думаешь ли ты, что очень приятно иметь мать, которая продает пирожные моим подружкам!" Тогда ей было семь лет. Мы вдвоем жили в комнатухе под лавкой часовщика, которая сохранилась до сих пор. Когда я вышла замуж, жизнь ее изменилась.

- Вам не трудно рассказать сначала о вашем первом муже? Мне наверняка будут говорить о нем, поэтому хотелось бы прежде послушать вас.

Она наполнила его рюмку, вопрос нисколько не смутил ее.

- Тогда я начну, пожалуй, с родителей. Я урожденная Фок, эту фамилию вы еще встретите в округе. Отец мой рыбачил здесь, в Этрета. Мать занималась по-дому прислугой в такие дома, как этот, но только летом, потому что зимой и здесь никого не оставалось. У меня было три брата и сестра, все они умерли. Один из братьев убит на войне 1914 года, другой утонул в результате кораблекрушения. Сестра вышла замуж и умерла от родов. А мой третий брат, Люсьен, работал парикмахером в Париже и плохо кончил: его пырнули ножом в одном из кабачков возле площади Бастилии.

Я никогда не стыдилась этого и не скрывала своего происхождения. Иначе на склоне лет я не приехала бы сюда, где все меня знают.

- Вы работали при жизни родителей?

- С четырнадцати лет я служила нянькой, потом горничной в отеле. Мать моя к этому времени умерла от рака груди. Отец жил до глубокой старости, но сильно пил, в последние дни он

совершенно потерял человеческий облик. Я познакомилась с молодым человеком из Руана по имени Анри Пужоль, который служил на почте, и вышла за него замуж. Это был милый, очень спокойный и воспитанный человек. Но я еще не знала тогда, что означал лихорадочный румянец на его щеках. Четыре года я была молодой супругой и хозяйкой трехкомнатной квартиры.

Потом стала матерью. Мужа, когда он возвращался с работы, я встречала с детской коляской. По воскресеньям мы покупали пирожные у сестер Серэ. Раз в год мы выбирались в Руан к его родителям, они держали бакалейную лавку в Верхнем городе.

Но вот Анри начал кашлять, через несколько месяцев он скончался, оставив меня одну с Арлеттой... Я сменила квартиру, поселилась в одной комнате и пошла работать продавщицей в кондитерскую сестер Серэ. Говорили, что моя молодость и красота привлекают покупателей. И вот однажды я познакомилась в магазине с Фернаном Бессоном.

- Сколько вам было тогда лет?

- Несколько месяцев спустя мы поженились, тогда мне было тридцать.

- А ему?

- Примерно пятьдесят пять. Он овдовел много лет назад. И самое забавное, что его сыновья - мальчики шестнадцати и восемнадцати лет, - казалось, вот-вот влюбятся в меня.

- Этого не произошло?

- Разве что Тео, в самом начале. Позже он стал холоден со мной, но я на него за это никогда не сердилась. Вам известна история Бессона?

- Я знаю, что он был владельцем предприятий, изготовлявших косметический крем "Жюва".

- В таком случае вы, наверное, представляете себе незаурядного человека? Увы! Все было иначе. Обыкновенный фармацевт из Гавра, где у него была тесная и темная аптека в бедном квартале, с двумя стеклянными шарами на витрине - зеленым и желтым. Сам он в сорок лет, как видите на фотографии, был похож на рассыльного газовой компании, а жена его - на прислугу.

В то время лекарства изготовлялись примитивно, не то что теперь, и он сам выполнял заказы клиентов. Как-то он приготовил крем для одной девицы, у которой с лица не сходили прыщи. Крем помог ей избавиться от них. Об этом стало известно соседям, потом всему городу.

Шурин Бессона посоветовал ему разрекламировать этот крем, подобрав для него звучное имя. Вдвоем они нашли название. И шурин сделал первый взнос в это коммерческое дело.

В короткий срок оно принесло чуть ли не целое состояние. Потребовалось построить несколько лабораторий, сначала в Гавре, потом в Пантене, в окрестностях Парижа. Слово "Жюва" появилось во всех газетах, огромными буквами замелькало на стенах домов. Вы не представляете, какую прибыль дают подобные вещи, если им обеспечена хорошая реклама!

Первая жена Бессона через некоторое время умерла, так и не успев насладиться богатством. Бессон решил переменить образ жизни. Когда я его встретила, он был уже очень богат, но еще не привык к деньгам и не совсем знал, что с ними делать. Вероятно, поэтому он и женился на мне.

- Что вы хотите этим сказать?

- То, что ему нужна была красивая женщина, которую он мог бы одевать и выводить в свет. Парижанок он опасался. Женщины из богатых семей Гавра просто отпугивали его. Он чувствовал себя свободнее в обществе девицы, встреченной за прилавком кондитерской.

Думаю, он не огорчился, узнав, что я вдова и что у меня тоже есть ребенок... Не знаю, понятно ли вам все это.

Да, он все понимал. Его только удивляло, как безошибочно разобралась она в муже и как ловко все устроила.

- Сразу же после нашей свадьбы он приобрел особняк в Париже на авеню Йены. А несколько лет спустя - замок Анзи в Солоне. Он осыпал меня драгоценностями, одевал у лучших портных,

возил в театр и на скачки. Он даже построил яхту, которой ни разу не воспользовался, так как страдал морской болезнью.

- Как по-вашему, был он счастлив?

- Не знаю. Возможно, он был счастлив в своей конторе на улице Тронше, потому что там его окружали подчиненные. В других местах ему все казалось, что над ним подсмеиваются, хотя он был приличным человеком, вполне разумным, как и большинство тех, кто ворочает делами. Разве что большие деньги пришли к нему слишком поздно.

Но он вбил себе в голову, что должен стать крупным промышленником, и наряду с кремом "Жюва" - настоящей золотой жилой - стал выпускать другие парфюмерные изделия: зубную пасту, мыло, Бог знает что еще.

На рекламу он тратил миллионы. Он построил заводы не только для выпуска самих этих товаров, но и для их упаковки. Тео тоже вступил в дело и строил еще более грандиозные планы.

Так продолжалось двадцать пять лет, господин Мегрэ!

Теперь я с трудом вспоминаю это время, настолько быстро оно пролетело. Мы всегда торопились: из парижского дома спешили в замок, оттуда в Канн или Ниццу и снова впопыхах возвращались в Париж на двух автомобилях - второй вез багаж, дворецкого, горничную, повара.

Потом муж решил каждый год путешествовать, и мы отправлялись в Лондон, в Шотландию, Турцию, Египет.

Дела требовали его обратно, и мы снова и снова спешили, переезжая с чемоданами, набитыми моими платьями и драгоценностями, которые в каждом городе для безопасности нужно было сдавать на хранение в банк.

Арлетта вышла замуж. Я так и не поняла, зачем. Вернее, я так и не узнала, почему она внезапно вышла замуж за этого юношу, которого мы даже не знали, хотя она могла бы выбрать себе мужа среди богатых молодых людей, посещавших наш дом.

- А ваш муж не увлекался вашей дочерью?

- Признайтесь, вы подозреваете, что это было больше, чем простое увлечение, не так ли? Я размышляла над этим. Весьма естественно, что мужчина в годах, живя в одном доме с молоденькой девушкой, не его дочерью, мог влюбиться в нее. Я наблюдала за ними. Он действительно осыпал ее подарками, исполнял все ее капризы, но ничего другого я не замечала. И не знаю, почему Арлетта вышла замуж в двадцать лет за первого встречного. Я могу понять многих людей, но никогда не понимала собственную дочь.

- У вас были хорошие отношения с сыновьями вашего мужа?

- Тео, старший, почти сразу невзлюбил меня, а Шарль всегда относился ко мне так, словно я его родная мать. Тео так и не женился. Несколько лет он вел ту рассеянную жизнь, какую не смог в молодости вести его отец, поскольку не был к ней подготовлен. Почему вы на меня так смотрите?

Его поражал все тот же контраст. Она говорила непринужденно, с легкой улыбкой, с тем же ясным выражением светлых глаз, - тем более удивляли произносимые ею слова.

- У меня было время для размышлений, вы ведь знаете - пять лет я живу здесь одна! Тео пропадал на скачках, в ресторанах "Максим" и "Фуке" и прочих модных заведениях, а лето проводил в Довиле {курортный город на севере Франции, излюбленное место отдыха богачей}. В то время дом его был открыт для всех, его окружали молодые люди из знатных семей, но без гроша в кармане. Он и сейчас продолжает вести ту же жизнь, вернее, посещает те же заведения, но теперь у него самого нет денег и его больше приглашают другие. Не знаю, как он выкручивается.

- Вы не удивились, узнав, что он в Этрета?

- Мы уже давно не видимся. Недели две назад я заметила его в городе и подумала, что он здесь проездом.

В воскресенье Шарль привел его ко мне и просил нас помириться. Я подала руку Тео.

- Он не объяснил, почему приехал сюда?

- Сказал, что хочет отдохнуть. Но вы перебили мой рассказ. Я остановилась на том времени, когда мой муж был еще жив. Последние десять лет не всегда были безоблачными.

- Когда вы купили этот дом?

- Незадолго перед банкротством мужа, когда у нас еще был особняк в Париже, замок и все прочее. Признаться, я сама попросила его приобрести этот домик, где чувствую себя уютнее, чем в любом другом месте.

Видимо, Мегрэ невольно улыбнулся. Она сразу же это подметила:

- Представляю, что вы думаете обо мне! И возможно, в чем-то вы правы. В замке Анзи я играла роль помещицы-аристократки, как меня просил Фернан.

Я председательствовала на всех благотворительных церемониях, но никто не знал, кто я такая. И мне стало обидно, что город, знавший меня в унижении и бедности, не видит моего блеска. Может, это и не слишком приглядно, но, согласитесь, по-человечески простительно... Нет, лучше скажу вам сама, все равно вам расскажут: иные здесь не без ехидства зовут меня помещицей. А за глаза они предпочитают называть меня просто Валентиной.

В коммерческих делах я никогда ничего не понимала. Но мне было ясно, что Фернан чересчур увлекся, он не всегда кстати расширял производство. Видимо, не столько для того, чтобы ошеломить других, сколько самому себе доказать, что он крупный финансист.

И вот сначала мы продали яхту, затем - замок. Как-то вечером, после бала, когда я отдавала ему жемчуга, чтобы убрать их в сейф, он сказал мне с горькой усмешкой: "Так даже лучше, никто не догадается... Но если их и украдут, несчастья не произойдет, они ведь поддельные".

Он стал молчаливым, искал уединения. Лишь крем "Жюва" все еще приносил какой-то доход, а новые затеи рушились одна за другой.

- Он любил своих сыновей?

- Не знаю. Вам покажется странным, что я так отвечаю. Принято считать, что родители любят своих детей. Это естественно. Но теперь я думаю, что чаще бывает наоборот.

Ему, конечно, льстило, что Тео был вхож в тот избранный круг, где сам он и не мечтал быть принятым.

Но, с другой стороны, он понимал, что Тео - ничтожество и что именно его честолюбивые замыслы во многом способствовали нашему разорению. Ну а Шарлю муж никогда не мог простить его бесхарактерность, слабых и безвольных он терпеть не мог.

- Потому что, по сути, сам был таким? Вы это хотите сказать?

- Да. Особенно в тяжелые последние годы, когда на его глазах рушилось все его состояние. Может, он действительно меня любил? Он не был экспансивным, и я не припомню, звал ли он меня любимой. Он хотел уберечь меня к старости от нищеты и этот дом записал пожизненно на мое имя, а перед смертью еще обеспечил меня маленькой рентой. Вот, пожалуй, и все, что он мне оставил. Его дети получили только маленькие сувениры, как, впрочем, и моя дочь, которую он не отличал от своих сыновей.

- Он умер здесь?

- Нет. Он скончался в одиночестве, в номере отеля в Париже, куда отправился, надеясь договориться о новом деле. Теперь вы уже имеете представление о семье.

Не знаю точно, чем занимается Тео, но у него всегда есть автомобиль, он хорошо одет и живет в аристократических кварталах. Что же касается Шарля, у него четверо детей и довольно неприятная жена. Он перепробовал несколько профессий, и все безуспешно. У него была навязчивая идея - основать газету. Но и в Руане и в Гавре он потерпел неудачу. Тогда в Фекане он

вошел в одно дело - по производству удобрений из рыбных отходов. Оно оказалось прибыльным, и он выставил свою кандидатуру на выборах, не знаю уж от какой партии. По нелепой случайности его избрали, и вот уже два года он депутат.

Они не святые, ни тот ни другой, но и негодяями их назвать нельзя! У них нет ко мне слепой любви, однако ненавидеть им меня не за что. Да и смерть моя не принесет им выгоды. Безделушки, которые вы видите здесь, не дали бы многого на аукционе. А ведь они да еще подделки под мои прежние драгоценности - вот, собственно, и все, что у меня осталось.

Что же касается местных жителей, они привыкли ко мне, старой женщине, и считают меня неотъемлемой частью здешнего пейзажа.

Почти все, кого я знала в юности, умерли, осталось лишь несколько старушек, таких, как старшая сестра Серэ, которую я время от времени навещаю...

То, что меня пытались отравить, кажется мне настолько нелепым и диким, что мне даже неловко видеть вас здесь. Право, я стыжусь, вспоминая, что ездила за вами в Париж. Признайтесь же, вы, должно быть, приняли меня за свихнувшуюся старушку?

- Нет.

- Почему? Как вы поняли, что дело серьезно?

- Роза мертва!

- Это верно.

Она посмотрела в окно на разбросанную мебель во дворе, на одеяло, висевшее на веревке.

- Садовник приходил к вам сегодня?

- Нет. Он был вчера.

- Что же, эта женщина одна вынесла мебель?

- Разобрали и вынесли все это мы вдвоем сегодня утром, перед тем как мне ехать в Ипор.

Мебель была громоздкая, а лестница узкая, с крутыми поворотами.

- Я сильнее, чем кажусь, господин Мегрэ. У меня тонкая кость, словно у птицы, но Роза, несмотря на ее дородность, была не выносливее меня.

Поднявшись, она наполнила его рюмку и сама отпила глоток старого золотистого кальвадоса, аромат которого, казалось, заполнял всю комнату.

Новый вопрос, который задал Мегрэ, спокойно попыхивая трубкой, видимо, удивил ее.

- Скажите, а ваш зять, Жюльен Сюдр, случайно, не рогоносец?

Она рассмеялась, скрывая замешательство:

- Я никогда не задумывались над этим.

- И никогда не интересовалась, есть ли у вашей дочери любовник?

- Бог мой, для меня это не было бы сюрпризом!

- В комнате вашей дочери был мужчина в ночь с воскресенья на понедельник.

Она нахмурила брови, задумалась:

- Теперь я понимаю.

- Что вы понимаете?

- Что означают кое-какие мелочи, которым я поначалу не придавала значения. Весь день Арлетта была рассеянна, думала о чем-то. После обеда она вызвалась погулять с детьми Шарля на пляже и огорчилась, когда Шарль сам пошел с ними на прогулку. Когда я спросила, почему с ней не приехал муж, она ответила, что ему нужно было дописать один пейзаж на берегу Сены. "Ты ночуешь у меня?" - спросила я ее. "Не знаю. Не думаю. Мне, пожалуй, лучше уехать вечерним поездом".

Я все же настояла. Я заметила, что она часто смотрит в окно. И припоминаю, как с наступлением темноты по дороге мимо нас два-три раза очень медленно проехал автомобиль.

- О чем вы разговаривали вечером?

- Трудно сказать. Мими занималась своим младенцем, меняла пеленки, готовила ему соску, отчитывала пятилетнего Клода, который топтал клумбы. Мы, конечно, говорили о детях. Арлетта заметила, что младший, родившийся после пятилетнего перерыва, вероятно, был неожиданностью для Мими, если учесть, что старшему уже пятнадцать лет. Мими ответила, что Шарлю только этим бы и заниматься, все заботы ведь не на его плечах.

Словом, вам легко представить, о чем шла речь. Мы обменивались еще кулинарными рецептами.

- Арлетта поднималась в вашу комнату после обеда?

- Да. Я показала ей платье, которое сшила себе недавно, и примерила его при ней.

- Где стояла ваша дочь?

- Она сидела на кровати.

- Оставалась она одна в вашей комнате?

- Только на мгновение, пока я ходила за платьем в соседнюю комнатку, которая служит мне гардеробом.

Но я и мысли не допускаю, чтобы Арлетта могла вылить яд в пузырек с лекарством. Для этого ей понадобилось бы открыть аптечку, которая находится в ванной. Я бы услышала. Да и зачем бы это нужно было Арлетте?.. Ах да, я вижу теперь, что бедняга Жюльен рогат!

- Мужчина пробрался в комнату к Арлетте после полуночи и был вынужден поспешно бежать через окно, когда услышал стоны Розы.

Она не удержалась от улыбки:

- Не повезло!

То, что произошло у нее в доме, ее больше не пугало.

- Кто же он? Кто-нибудь из здешних? - спросила она.

- Он привез ее из Парижа на машине, это некий Эрве Пейро, виноторговец.

- Он молод?

- Ему лет сорок.

- Меня тоже удивило, что она приехала поездом, ведь у ее мужа есть машина и она умеет водить. Все это странно, господин Мегрэ, и, в конце концов, я довольна, что вы здесь. Инспектор Кастэн унес с собой стакан, пузырек с лекарством и другие вещи, которые находились в моей комнате и в ванной. Мне хотелось бы узнать, что скажут в лаборатории. Приходили еще полицейские в штатском, они тут все фотографировали. Ах! Если бы Роза не была такой упрямой! Я ведь сказала ей, что у лекарства странный привкус. И вот, едва выйдя за дверь, она допила стакан. Она, конечно, не нуждалась в снотворном, уверяю вас. Сколько раз я слышала сквозь стену, как она громко храпит во сне. Может, вы желаете осмотреть дом?

Мегрэ провел здесь какой-нибудь час, а дом уже казался ему хорошо знакомым. Угловатая фигура крестьянки - несомненно, вдовы! - появилась в дверях.

- Вы доедите вечером рагу или остатки можно отдать кошке? - без улыбки, почти злобно произнесла она.

- Доем, мадам Леруа.

- Я все кончила. Все прибрала. Когда вы сможете помочь мне внести мебель?

Валентина намекающе улыбнулась Мегрэ:

- Сейчас.

- А то мне уже нечего делать.
- Ну что ж, отдохните немного.

И она повела Мегрэ по узкой лестнице, на которой сильно пахло мастикой для натирки полов.

Глава 3

ИСПОВЕДЬ АРЛЕТТЫ

- Заходите ко мне, когда вам будет угодно, господин Мегрэ, - говорила Валентина Бессон. - Я всегда к вашим услугам. Я вам так обязана, что вы приехали по моей просьбе из Парижа. Вы не слишком сердитесь, что я побеспокоила вас из-за этой запутанной истории?

Разговор шел в саду у калитки. Вдова Леруа все еще ждала хозяйку, которая обещала помочь ей внести мебель в комнату Розы. Был момент, когда Мегрэ чуть не предложил свою помощь, - настолько не представлял он себе Валентину ворочающей тяжести.

- Я сама не ожидала, что буду так настаивать на вашем приезде. У меня теперь и страх пропал.
- Мадам Леруа переночует у вас?
- О нет. Через час она уйдет. Сын ее служит на железной дороге, ему двадцать четыре года, а она все возится с ним, как с ребенком. Он скоро вернется, потому ей и не сидится на месте.
- Вы будете ночевать одна?
- Мне это не впервые.

Он толкнул калитку, которая чуть скрипнула. Солнце садилось за морем и заливало дорогу желтым, уже переходящим в багровый светом. Поросшая по обочинам кустарником и крапивой, дорога не была асфальтирована, ноги утопали в пыли, и это снова напомнило ему детство.

Чуть ниже дорога сворачивала, и как раз на повороте он заметил силуэт женщины, медленно поднимавшейся ему навстречу.

Она шла спиной к солнцу и была одета в темное. Он узнал ее, хотя никогда не видел. Бесспорно, это была Арлетта, дочь старой дамы. Она казалась ниже ростом и миниатюрнее матери, но была так же изящна, словно создана из того же дорогого и редкого материала. Ее огромные глаза были такого же редкого, почти неестественного голубого цвета.

Узнала ли она комиссара, фотографии которого часто появлялись в газетах? Или, встретив на дороге по-городскому одетого незнакомца, решила про себя, что это и есть приезжий полицейский? Мегрэ показалось, что, когда они поравнялись, она чуть было не обратилась к нему.

Он тоже поколебался: ему хотелось поговорить с ней, но ни время, ни место не были подходящими.

Они лишь молча взглянули друг на друга, и глаза Арлетты ничего не выразили, взгляд ее был печальным и отрешенным. Мегрэ обернулся, когда она скрылась за кустами, потом двинулся дальше, к окраине Этрета.

Инспектор Кастэн встретил его возле витрины с почтовыми открытками.

- Я ждал вас, комиссар. Только что принесли донесения. Они у меня в кармане. Хотите взглянуть?
- Прежде я хотел бы выпить холодного пива.
- Она вас ничем не угостила?
- Она потчевала меня таким старым и отборным кальвадосом, что мне захотелось выпить чего-нибудь попроще, что лучше утоляет жажду.

Солнце клонилось к закату огромным красным шаром, возвещая о конце сезона. Все более редкие курортники были в шерстяных костюмах: свежий ветер прогнал их с пляжа, и они бесцельно слонялись по улицам.

Только что приехала Арлетта, - сказал Мегрэ, когда они уселись за круглый столик в кафе на площади перед мэрией.

- Вы видели ее?

- Полагаю, что на этот раз она приехала поездом.

- Она направлялась к матери? Вы говорили с ней?

- Мы встретились на дороге в ста метрах от "Гнездышка".

- Вы думаете, она заночует там?

- Возможно.

- И в доме больше никого нет?

- Ночью, кроме матери и дочери, там никого не будет.

Это встревожило инспектора.

- Надеюсь, вы не заставите меня читать все эти бумаги? - спросил Мегрэ, отодвигая пухлый желтый конверт, набитый документами. - Расскажите прежде о стакане.

Ведь это вы нашли и упаковали его?

- Да, он стоял на тумбочке в комнате служанки.

Я узнавал у мадам Бессон, тот ли это стакан, в котором было лекарство. Ошибка исключена, это единственный стакан цветного стекла, уцелевший от старого сервиза.

- Отпечатки пальцев?

- Старой дамы и Розы.

- А пузырек?

- Пузырек со снотворным я обнаружил в ванной комнате, в аптечке, на том самом месте, которое Валентина мне указала. На нем отпечатки пальцев только старой дамы. Кстати, вы заходили в ее комнату?

Кастэн, так же как и Мегрэ, был поражен комнатой Валентины. Комиссара она пригласила войти туда с наигранной простотой. Она не произнесла ни слова, но ей, конечно, было известно, какой эффект производит эта комната.

Весь дом был обставлен со вкусом и даже некоторой изысканностью, поэтому так странно было очутиться вдруг в комнате отчаянной кокетки, где стены оказались обтянуты кремовым атласом, а на огромной кровати лениво нежился персидский кот голубоватой масти, едва приоткрывший глаза навстречу вошедшим.

- Такая обстановка нелепа для старой женщины, не так ли?

Когда же они прошли через ванную комнату, облицованную желтым кафелем, она добавила:

- Вероятно, это объясняется тем, что в молодости у меня никогда не было своей комнаты, спала я вместе с сестрами в мансарде, а умывались мы во дворе у колодца. В Париже на авеню Йены Фернан велел облицевать мою ванную розовым мрамором, все аксессуары были из серебра, а в ванную-бассейн вели три ступеньки.

Комната Розы была пуста, по ней гулял сквозняк, надувал тюлевые занавеси, как кринолиновые юбки.

Натертый воском пол, цветастые обои на стенах...

- Что говорит судебный врач?

- Отравление бесспорно. Сильная доза мышьяка.

Снотворное не имеет никакого отношения к смерти прислуги. В заключении говорится также, что жидкость должна была сильно горчить на вкус.

- Валентина тоже говорила об этом.

- И все же Роза выпила. Взгляните-ка на человека, который подходит к писчебумажному магазину на той стороне улицы. Это Тео Бессон.

Тео оказался высоким костлявым человеком лет пятидесяти, с резкими и правильными чертами лица. На нем был костюм шотландского букле цвета ржавчины, что делало его похожим на англичанина. Непокрытая голова, редкие седые волосы.

Он обратил внимание на двух мужчин. С инспектором он был уже знаком и наверняка узнал комиссара Мегрэ. Как и Арлетта, он поколебался, но затем слегка поклонился и скрылся в магазине.

- Вы его допрашивали?

- Мимоходом. Спросил, не хочет ли он что-нибудь сообщить мне и как долго намеревается пробыть в Этрета. Он ответил, что собирается остаться в городе до закрытия отеля, то есть до пятнадцатого сентября.

- Как он проводит время?

- Много ходит по берегу моря. Ходит один, сосредоточенно вышагивая, как немолодые уже люди, старающиеся сохранить фигуру. Около одиннадцати утра купается, а остальное время проводит в баре казино или в бистро.

- Много пьет?

- Дюжину порций виски в день, но пьяным как будто не бывает. Прочитывает пять-шесть газет. Изредка играет в казино, но никогда не присаживается к столу.

- Больше ничего не известно о нем?

- Ничего сколько-нибудь интересного.

- Тео Бессон не встречался с мачехой после воскресенья?

- Насколько мне известно, нет.

- С кем же он виделся? Расскажите-ка мне, что происходило в понедельник. Я примерно знаю, как развивались события в воскресенье, но понедельник представляю себе плохо.

Он знал, как Валентина провела вторник. Она сама рассказала ему об этом: рано утром покинула "Гнездышко", оставив там одну мадам Леруа, и первым поездом уехала в Париж; такси доставило ее до набережной Орфевр, где она беседовала с комиссаром.

- После этого вы заехали к дочери? - сразу спросил он у нее.

- Нет. А зачем?

- Разве, приезжая в Париж, вы не видите с ней?

- Редко. У них своя жизнь, у меня - своя. Кроме того, мне не нравится квартал Сент-Антуан, где живут они, так же как и их мещанская квартира.

- Что же вы делали в этот день?

- Пообедала в ресторане на улице Дюфо - я и прежде любила там поесть, - сделала две-три покупки в районе площади Мадлен, а потом поездом вернулась обратно.

- Ваша дочь знала, что вы были в Париже?

- Нет.

- Шарль Бессон тоже не знал?

- Я не говорила ему о своем намерении.

И вот теперь Мегрэ хотелось узнать от Кастэна, что произошло в понедельник.

- В "Гнездышко" я явился к восьми утра, - сказал Кастэн. - Всех в доме, как вы можете представить, лихорадило.

- Кто там был?

- Мадам Бессон, конечно.

- Как она была одета?

- Как и всегда, в обычном платье. Там была и ее дочь, непричесанная, в домашних туфлях, и доктор Жолли, давний друг семьи, спокойный, уравновешенный мужчина средних лет... В комнате находился еще старик садовник, пришедший, по-видимому, незадолго до меня. А Шарль Бессон опередил меня буквально на несколько шагов.

- Кто вам рассказывал о случившемся?

- Валентина. Доктор время от времени прерывал ее, уточняя некоторые детали. Она сказала мне, что сама позвонила Шарлю. Известие это его очень взволновало, буквально потрясло. Но, узнав, что журналисты пока еще не нагрянули и соседи ничего не знают, он немного успокоился. Вы только что видели его брата.

Они похожи, только Шарль полнее и менее подтянут.

В доме нет телефона, это усложнило мне работу: чтобы связаться с Гавром, я несколько раз вынужден был выезжать в город. Доктора ждали больные, и он ушел первым.

- Родителей Розы не известили?

- Нет. О них, казалось, и не вспомнили. Я сам ездил в Ипор и сообщил им. Отец был в море. Брат с матерью поехали вместе со мной.

- Как же выглядела встреча?

- Скорее, плохо. Мать так смотрела на мадам Бессон, словно та повинна в том, что случилось. А брат, которому Шарль Бессон что-то плел, рассвирепел: "Нужно выяснить правду. И не думайте, что я позволю прикрыть дело, хотя у вас и длинные руки!"

Они хотели увезти тело в Ипор. И лишь с трудом мне удалось убедить их, что прежде всего необходимо доставить в Гавр для вскрытия. Тем временем на велосипеде приехал отец Розы. Он никому не сказал ни слова. Приземистый, коренастый, крепко скроенный и очень сильный физически, он тут же увел своих, как только тело погрузили в фургон. Шарль Бессон предложил отвезти их в своей машине, но они отказались и ушли пешком все трое, во главе со стариком, который даже не сел на свой велосипед.

Я не могу поручиться, что излагаю все это в точной последовательности. Стали приходить соседи, затем жители городка заполнили сад. Я был наверху вместе с Корню из сыскальной полиции, который фотографировал, снимал отпечатки.

Когда около полудня я спустился вниз, Арлетты уже не было. Ее мать сказала, что она уехала в Париж, опасаясь, что муж будет беспокоиться. Шарль Бессон оставался до трех часов пополудни и затем вернулся в Фекан.

- Он вам говорил что-нибудь обо мне?

- Нет. А что такое?

- Он не сказал вам, что собирается просить министра поручить мне следствие по этому делу?

- Он мне ничего не говорил. Кроме, пожалуй, того, что постарается договориться с газетами. Вот как будто и все на понедельник. Ах да! Вечером на улице мне показали Тео Бессона, и я перекинулся с ним несколькими фразами.

"Вам известно, что произошло в "Гнездышке"?" - спросил я его. "Мне рассказали об этом". - "Чем вы можете помочь следствию?" - "Абсолютно ничем".

Он был очень сдержан, замкнут. Тогда-то я его и спросил, как долго он намеревается пробыть в Этрета.

Ответ его вы знаете. Теперь, если я вам не нужен, я, пожалуй, поеду в Гавр и составлю рапорт. Я обещал жене быть к ужину, у нас сегодня гости.

Машину Кастэн оставил у отеля, и Мегрэ проводил его по тихим улицам, откуда временами на перекрестках открывался вид на море.

- Вас не тревожит, что Арлетта ночует сегодня у матери и они останутся одни в доме? - спросил Кастэн.

Чувствовалось, что он озабочен невозмутимостью Мегрэ, ему все казалось, что комиссар не принимает этого дела всерьез.

По мере того как солнце садилось и крыши домов словно охватывало пламя, море местами уже становилось холодным и зеленым и весь мир по эту сторону от заката, казалось, медленно погружается в ночную тьму.

- К которому часу мне приехать завтра? - осведомился инспектор.

- Не раньше девяти утра. Может, вы позвоните в парижскую сыскную полицию и от моего имени попросите выяснить все, что касается Арлетты Сюдр и ее мужа? Мне бы хотелось также узнать, что подделывает Шарль Бессон, когда бывает в Париже. И уж если вы этим займетесь, добудьте заодно сведения о Тео. Мне бы не хотелось говорить об этих вещах по телефону отсюда.

Почти все прохожие оборачивались им вслед. Их разглядывали и сквозь стекла витрин. Мегрэ не знал еще, чем займется вечером и как поведет следствие.

Время от времени он машинально повторял про себя:

"А Роза мертва!"

Лишь о ней одной он ничего не знал, если не считать того, что она была дородной девицей с пышным бюстом.

- Кстати, - спросил он у Кастэна, который уже нажимал на стартер. - У Розы, видимо, оставались какие-то личные вещи в ее комнате. Куда они подевались?

- Родные сложили все в чемодан, который принесли с собой.

- Вы осмотрели эти вещи?

- Я не решился: когда вы побываете у них, вы поймете. Принимают они далеко не по-дружески. Подозрительно разглядывают вас и, прежде чем сказать "да" или "нет", обмениваются взглядами.

- Завтра я наверняка встречу с ними.

- Держу пари, что Шарль Бессон нанесет вам визит.

Ведь для того, чтобы вы взялись за это дело, он побеспокоил самого министра!

Кастэн повел свою машину по дороге к Гавру, а Мегрэ, прежде чем вернуться в отель, направился к казино, терраса которого возвышалась над пляжем. Вышло это непроизвольно. Он подчинился безотчетному желанию полюбоваться закатом, которое всегда возникает у горожан, оказавшихся на море.

У моря собрались все курортники, остававшиеся еще в Этрета. Девушки в светлых платьях, несколько старушек - все они подстерегали знаменитый зеленый луч, который должен появиться над волнами как раз в тот момент, когда огненный шар скроется за горизонтом.

Мегрэ всячески напрягал зрение, но так и не увидел зеленого луча. Войдя в бар, он услышал очень знакомый голос:

- Что будете пить, комиссар?

- Чарли! Вот так встреча!

С этим барменом он познакомился в Париже в одном из кабачков на улице Дону и был удивлен, увидев его здесь.

- Я не сомневался, что именно вы займетесь этим делом. Что вы о нем думаете?

- А вы?

- Я думаю, что старой даме здорово повезло, а девчонка пала жертвой.

Мегрэ спросил рюмку кальвадоса: он ведь находился в Нормандии и уже начал с кальвадоса. Чарли занялся другими клиентами. Вошел Тео Бессон, сел на высокий табурет у стойки и развернул парижскую газету, которую, видимо, только что купил на вокзале.

За исключением нескольких еще розовеющих облачков, весь мир за окнами потерял окраску. Мглистая бездна неба нависла над бесконечностью моря.

"А Роза мертва".

Мертва, потому что выпила лекарство, ей не предназначавшееся и абсолютно ей не нужное.

Разомлев от кальвадоса, Мегрэ побродил еще немного и направился к своему отелю, фасад которого белел в сумерках. Миновав зеленую аллею, он толкнул дверь и по красной ковровой дорожке дошел до конторки, чтобы взять ключ. Администратор наклонился к нему и доверительно шепнул:

- Вас ждет дама, уже давно. - И взглядом указал в угол холла, где стояли кресла, обитые красным бархатом. - Я сказал ей, что не знаю, когда вы вернетесь, и она мне ответила, что подождет. Это...

Он почти шепотом произнес имя, и Мегрэ не расслышал. Но, обернувшись, он узнал Арлетту Сюдр, которая уже вставала с кресла.

Еще более отчетливо, чем в предыдущую встречу, бросалась в глаза ее элегантность, возможно, потому, что здесь она была единственной женщиной, одетой по парижской моде, в шляпке, напоминавшей время аперитивов где-нибудь в районе площади Мадлен.

Он пошел ей навстречу не слишком охотно.

- Вы меня ждете? Комиссар Мегрэ.

- Вы уже знаете, что я Арлетта Сюдр?

Он слегка кивнул, давая понять, что действительно знает ее. Затем оба помолчали. Она оглядывалась вокруг, как бы намекая, что трудно будет разговаривать в этом холле, где пожилая чета уже смотрит на них, наострив уши.

- Вы, вероятно, хотели бы поговорить со мной наедине? Увы, мы не на набережной Орфевр, и я не представляю, где...

Мегрэ, в свою очередь, оглядел холл. Пригласить ее к себе в номер он не мог. В ресторане, рассчитанном на двести персон, но где сейчас собиралось не больше двадцати человек, официантки накрывали столы.

- Пожалуй, самое простое - поужинать вместе. Я смог бы найти отдельный столик.

Более расположенная к разговору, чем он, Арлетта согласилась и, не благодаря его, пошла за ним в пустой еще зал.

- Можно поужинать? - спросил он официантку.

- Через несколько минут. Пожалуйста, садитесь. Вас двое? Может быть, что-нибудь пока выпьете?

Он вопросительно посмотрел на Арлетту.

- Мартини, - произнесла она, едва шевеля губами.

- Два мартини.

Он по-прежнему чувствовал себя неловко, и не потому только, что в прошлое воскресенье какой-то мужчина провел часть ночи в ее комнате. Просто она принадлежала к тому типу красивых женщин, с которыми мужчины, сидя в ресторане, опасливо поглядывают на входящих, боясь встретить знакомых. А он пришел сюда поужинать с ней.

Она спокойно разглядывала Мегрэ, не помогая ему выйти из затруднительного положения, словно не ей, а ему нужен был этот разговор.

- Итак, вы возвратились из Парижа, - произнес он, потеряв наконец терпение.

- Вы догадываетесь, почему?

Она была привлекательнее матери и в отличие от Валентины не старалась понравиться, а держалась отчужденно, и глаза ее отнюдь не излучали теплоты.

- Если не догадываетесь, могу сказать вам.

- Расскажите мне про Эрве.

Им принесли мартини, она пригубила из рюмки, достала из черной замшевой сумки платок, машинально взялась за тюбик губной помады, но не воспользовалась им.

- Что вы намерены делать? - спросила она, смотря прямо ему в глаза.

- Я не совсем понимаю вас.

- Я не искушена в подобного рода вещах, но мне приходилось читать газеты. Когда случается что-либо вроде того, что произошло в воскресенье, полиция, как правило, вмешивается в личную жизнь всех, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к этому делу. При этом не имеет большого значения, виновен ты в чем-либо или невиновен. А так как я замужем и очень привязана к мужу, я спрашиваю: что вы намерены делать?

- С платком?

- Да, если хотите.

- Ваш муж знает о случившемся?

Ее губы дернулись гневно и нетерпеливо, и она бросила:

- Вы разговариваете совсем как моя мать.

- Но ваша мать полагает, что ваш муж, должно быть, осведомлен, как вы... проводите время вне дома!

Она презрительно усмехнулась:

- Вы все стараетесь выбирать выражения, не так ли?

- Если вам угодно, я буду называть вещи своими именами. Судя по тому, что вы мне только что сказали, ваша матушка догадалась, что вы, как говорится, наставляете рога своему мужу?

- Не знаю, сама ли она догадалась. Мне, во всяком случае, она это сказала.

- Но и я взял это не с потолка и теперь хотел бы кое в чем удостовериться. Впрочем...

Она по-прежнему глядела ему прямо в глаза, и Мегрэ надоело церемониться.

- Впрочем, вините только себя в том, что такая мысль может прийти в голову любому. Насколько я знаю, вам тридцать восемь лет, а замуж вы вышли в двадцать. Трудно поверить, что ваше воскресное ночное приключение было у вас первым в жизни.

- Действительно, не первым, - тихо подтвердила она.

- Вам предстояло провести у вашей матушки всего одну ночь, и вы притащили с собой любовника.

- А если мы не часто имеем возможность провести ночь вместе?

- Я не осуждаю. Я только констатирую. Но, согласитесь, все это наводит на мысль, что ваш муж должен быть в курсе...

- Он ничего не знал и пока еще не знает. Поэтому-то я и вернулась сюда.

- Почему вы уехали в полдень в понедельник?

- Я не знала, что произошло с Эрве после того, как он ушел от меня, услышав стоны Розы. И я не представляла себе, что сделает мой муж, узнав обо всем. Поэтому я решила предотвратить его приезд сюда.

- Понимаю. И, очутившись в Париже, вы продолжали беспокоиться?

- Да. Я позвонила Шарлю, который сказал мне, что следствие будете вести вы.

- Это вас успокоило?

- Нет.

- Могу я подавать, господа?

Мегрэ кивнул, и они возобновили разговор, когда суп уже был на столе.

- Мой муж будет поставлен в известность?

- Едва ли. Разве что в случае необходимости.

- Вы подозреваете меня в попытке отравить мою мать?

Его ложка на мгновение остановилась в воздухе. Он изумленно и не без восхищения взглянул на нее:

- Почему вы спрашиваете меня об этом?

- Потому что только я могла подсыпать яд в ее стакан. Точнее, одна я оставалась еще в доме, когда это произошло.

- Не хотите ли вы сказать, что это могла сделать, скажем, Мими перед своим отъездом?

- Мими, или Шарль, или, наконец, Тео. Но подозрение все равно должно пасть на меня.

- Почему все равно?

- Потому что все убеждены, что я не люблю свою мать.

- А это правда?

- Это почти правда.

- Вы не станете возражать, если я задам несколько вопросов? Заметьте, что я это делаю неофициально, ведь это вы захотели встретиться со мной.

- Но вы, так или иначе, задали бы их мне, так ведь?

- Возможно. Даже наверняка.

Пожилая чета ужинала через три столика от них, а еще подальше женщина средних лет не сводила глаз со своего восемнадцатилетнего сына, ухаживая за ним как за ребенком. Еще с одного стола доносились взрывы смеха: там сидела компания девушек.

Мегрэ и его собеседница говорили вполголоса, не прерывая ужина, разговор их протекал внешне спокойно, невозмутимо.

- И давно вы недолюбливаете свою мать?

- С того дня, когда мне стало ясно, что она никогда меня не любила, что я была для нее обузой и, по ее мнению, испортила ей жизнь.

- А когда вы сделали это открытие?

- Еще девочкой. Впрочем, я ошибаюсь, говоря лишь о себе. Правильней было бы сказать, что моя мамаша никогда никого не любила, даже меня.

- И вашего отца тоже?

- Сразу же после смерти он был забыт навсегда.

Попробуйте найти в доме хотя бы одну его фотографию. Вы только что осмотрели весь дом. Вы были и в комнате матери, вас там ничто не удивило?

Он постарался вспомнить, но признался:

- Нет.

- Это потому, что вы, наверное, не часто бываете в домах старых женщин. У них на стенах всегда развешана масса фотографий.

Она была права. Но тут он припомнил портрет, портрет старика в роскошной серебряной рамке на тумбочке в спальне.

- Мой отчим, - ответила она, когда он сказал об этом. - Но, во-первых, он все-таки бывший владелец "Жюва", а это что-нибудь да значит. И наконец, половину своей жизни он был на побегушках у моей матери и дал ей все, что она имеет. А мой портрет вы там видели?

Или портреты моих братьев? У Шарля, например, страсть фотографировать своих детишек и рассылать фотографии родственникам. Мать складывает эти портреты в ящик вместе с огрызками карандашей, старыми письмами, катушками и прочей дребеденью. Зато на стенах дома развешаны ее собственные фотографии, фотографии ее автомобилей, замка, яхты, ее кошек, особенно кошек.

- Я вижу, вы действительно ее не любите.

- Кажется, я уже не сержусь на нее.

- Что вы имеете в виду?

- Это не имеет значения. Однако, если ее и пытались отравить...

- Простите, вы сказали "если"?..

- Предположим, что это моя манера разговаривать.

К тому же о моей матери никогда ничего не знаешь наверняка.

- Вы намекаете на то, что она могла симулировать попытку отравить ее?

- Это выглядело бы не правдоподобно. Ведь яд оказался в стакане в достаточно сильной дозе - смертельной, и бедняжка Роза умерла.

- Ваши братья и невестка разделяли ваше, ну, скажем, равнодушие, если не неприязнь по отношению к матери?

- У них другие причины. Мими, например, не любит мать за то, что из-за нее мой отчим потерял состояние.

- И это действительно так?

- Не знаю. Бесспорно одно: он тратил на нее огромные деньги и как бы хотел поразить ее этим.

- Как складывались ваши отношения с отчимом?

- Почти сразу после замужества мамаша отправила меня в Швейцарию, в шикарный и очень дорогой пансионат. Сделано это было под предлогом, что мой отец болел в свое время туберкулезом и поэтому якобы необходимо было наблюдать за моими легкими.

- Почему же "под предлогом"?

- За всю жизнь я ни разу не кашлянула. Ее просто стесняло присутствие взрослой дочери. А может, она ревновала.

- К кому?

- Фернан Бессон старался баловать меня. Когда я возвратилась в Париж, мне было семнадцать лет, и он начал настойчиво обхаживать меня.

- Вы хотите сказать...

- Нет, не сразу. Когда это случилось, мне уже шел девятнадцатый год. Однажды вечером я одевалась, чтобы пойти в театр. Он вошел в мою комнату, когда я еще была не совсем готова.

- Что же произошло?

- Ничего. Он потерял голову, и я дала ему пощечину.

Тогда он упал на колени и буквально со слезами умолял меня ничего не говорить матери и не уходить из дома. Он поклялся мне, что это был лишь приступ безрассудства и он никогда не повторится. - Помолчав, она холодно добавила:

- Он был смешон во фраке и манишке, выбившейся из-под жилета. Потом он поспешно вскочил, потому что в комнату входила горничная.

- И вы не ушли из его дома?

- Нет.

- Вы тогда были влюблены в кого-нибудь?

- Да.

- В кого?

- В Тео.

- А он?

- Он не обращал на меня внимания. На первом этаже у него была своя комната, и я знала, что, несмотря на запрет отца, он приводит к себе женщин.

Цельми ночами я следила за ним. Одна из них, танцовщица из театра "Шатле", одно время бывала у него почти каждую ночь. Как-то я спряталась у него в комнате...

- И устроили ему сцену?

- Не помню точно, что я выкинула, но танцовщица ушла в бешенстве, я же осталась наедине с Тео.

- И что же?

- Он не хотел. Я почти принудила его.

Она говорила вполголоса и так непринужденно, что казалось невероятным, почти фантастическим то, что она рассказывала, особенно здесь, в курортном ресторанчике для отдыхающих буржуа средней руки. Официантка в черном платье и белом фартучке время от времени прерывала их разговор.

- А что потом? - спросил Мегрэ.

- "Потом" уже не было. Мы избегали друг друга.

- Почему?

- Он, наверное, потому, что чувствовал себя неловко.

- А вы?

- Потому что мне опротивели мужчины.

- И поэтому вы вышли замуж так внезапно?

- Это произошло не сразу. Больше года я спала со всеми мужчинами, которые попадались на пути.

- Из-за отвращения?

- Да. Вам не понять меня.

- А затем?

- Я поняла, что это может плохо кончиться. Мне все опротивело, и я решила с этим покончить.

- Выйдя замуж?

- Пытаясь жить как все.

- Но замужество ничего не изменило?

Взглянув на него серьезно, она произнесла:

- Да, это так.

Оба долго молчали. С дальнего стола доносился хохот девушек.

- В первый же год?

- В первый месяц.

- Почему?

- Не знаю. Потому что я не могу иначе. Жюльен ничего не подозревает, и я соглашусь Бог знает на что, лишь бы он так и оставался в неведении.

- Вы любите его?

- Может, это вам и смешно. Да! Во всяком случае, это единственный мужчина, которого я уважаю. У вас есть еще вопросы ко мне?

- Когда я переварю все, что вы мне сказали, возможно, они появятся.

- Что ж, вы можете не торопиться.

- Ночевать вы думаете в "Гнездышке"?

- Я не могу поступить иначе. Что скажут, если я остановлюсь в отеле? А мой поезд будет только утром.

- Вы повздорили с матерью?

- Когда?

- Сегодня днем.

- Мы просто высказали друг другу правду в лицо, но, как всегда, спокойно. Это уже превратилось в игру, когда мы остаемся вдвоем.

Она отказалась от десерта и, перед тем как встать из-за стола, подкрасила губы, глядясь в маленькое зеркальце, и попудрилась крошечной пуховкой.

Ее глаза были самыми светлыми в мире, еще более непорочной голубизны, чем глаза Валентины. Но они были так же пусты, как и недавнее небо, в котором Мегрэ тщетно пытался увидеть зеленый луч.

Глава 4

ТРОПИНКА В СКАЛАХ

Мегрэ спрашивал себя, закончится ли их разговор за ужином или же они его продолжат в другом месте. Арлетта прикуривала сигарету, когда администратор гостиницы подошел к комиссару и сказал ему тихо, настолько тихо, что Мегрэ попросил его повторить:

- Вас просят к телефону.

- Кто?

Администратор посмотрел на молодую женщину столь выразительно, что не только она, но и Мегрэ почувствовал себя неудобно. Арлетта нахмурилась, но взгляд ее сохранил безразличное выражение.

- Скажете вы, наконец, кто меня спрашивает по телефону? - сказал комиссар, потеряв терпение.

Оскорбленный до глубины души, администратор произнес, словно его принудили выдать секрет государственной важности:

- Господин Шарль Бессон.

Мегрэ украдкой подмигнул Арлетте: она ведь могла подумать, что звонит ее муж. Вставая из-за стола, Мегрэ спросил:

- Вы подождете меня? юз И после того, как она опустила глаза в знак согласия, он направился к кабине в сопровождении администратора, который объяснял на ходу:

- Лучше бы мне послать вам записку. Мне придется извиниться за ошибку одного из моих служащих. Господин Бессон, кажется, уже звонил вам днем, два или три раза. И вам забыли сообщить об этом сразу, когда вы вернулись ужинать.

От зычного голоса в трубке задрезжала мембрана.

- Комиссар Мегрэ? Мне так неловко, я, право, не знаю, как оправдаться. Но, возможно, вы не слишком осудите меня, если узнаете, что со мной произошло...

Голос неистовствовал. Мегрэ не мог вставить ни одного слова.

- Я оторвал вас от работы, от семьи! Я заставил вас приехать в Этрета и даже не встретил вас. Во всяком случае, я хочу сказать, что собирался непременно быть сегодня утром на вокзале и тщетно пытался связаться с начальником станции по телефону, чтобы он предупредил вас. Алло!..

- Да-да!

- Представьте себе, этой ночью я должен был выехать в Дьепп, моя теща была при смерти.

- Она умерла?

- Только сегодня днем. У нее, видите ли, одни дочери, и я единственный мужчина в семье. Я вынужден был там остаться. Ведь вы знаете, как все это бывает.

Приходится обо всем заботиться. Возникают всякого рода затруднения. Я не мог позвонить вам из дома: умирающая не выносила ни малейшего шума. Я трижды выскакивал на улицу и пытался дозвониться к вам из соседнего кафе. О! Это было ужасно!

- Она очень мучилась?

- Не особенно. Но она знала, что умирает.

- Сколько ей было лет?

- Восемьдесят восемь. Теперь я вернулся в Фекан и вожусь с детьми, так как жена осталась там. С ней только грудной ребенок. Но, если вы захотите, я могу сесть в машину и приехать к вам вечером. Или же скажите мне, когда я вас меньше всего побеспокою завтра утром, и я непременно буду.

- Вы желаете мне что-нибудь сообщить?

- По поводу того, что произошло в воскресенье?

Вряд ли мне известно больше того, что вы узнали. Ах да! Мне удалось добиться того, что все нормандские газеты как в Гавре, так и в Руане не станут сообщать о случившемся. Следовательно, и в Париже не узнают. Но это было нелегко. Я сам ездил в Руан во вторник утром. Они поместили сообщение в три строчки, указав, что предполагается несчастный случай.

Шарль Бессон наконец перевел дыхание, но комиссару нечего было ему сказать.

- Вы хорошо устроились? - продолжал Бессон. - Вам дали хороший номер? Надеюсь, вы распутаете эту досадную историю? Утром вы поднимаетесь рано? Может, мне приехать к вам в отель к девяти часам?

- Если это вас устраивает.

- Благодарю вас. Еще раз примите мои самые глубокие извинения.

Выйдя из кабины, Мегрэ увидел, что Арлетта осталась в зале совсем одна. Стол, за которым она сидела облокотившись, уже убрали.

- Он говорит, что ему пришлось поехать в Дьепп.

- Она умерла наконец?

- Она болела?

- Уже лет двадцать, а может, и тридцать, и все говорила, что умирает. Шарль, наверное, доволен.

- Он не любил ее?

- На какое-то время он поправит свои дела - ему ведь достанется солидное наследство. Вы знаете Дьепп?

- Очень мало.

- Семейству Монте принадлежит примерно четверть всех домов города. Теперь Шарль разбогатеет, но все-таки ухитрится потерять и эти деньги в какой-нибудь шальной афере. Если только Мими ему не помешает - ведь, в конце концов, это ее деньги, а она, насколько я знаю, себя в обиду не даст.

Любопытно: она говорила обо всем этом беззлобно, в голосе ее не чувствовалось ни враждебности, ни зависти, словно рассказывала она о людях вообще, принимая их такими, какие они есть, и судила о них, как об экспонатах антропологического музея.

Мегрэ снова сел напротив нее, набил трубку, но не торопился раскурить ее.

- Вы скажете мне, когда я стану вам в тягость? - проговорила Арлетта.

- Вы как будто не торопитесь вернуться в "Гнездышко"?

- Нет. Не тороплюсь.

- Настолько, что согласны на любое общество.

Он знал, что дело не в этом. Начав рассказывать о себе, она, вероятно, не прочь продолжить этот разговор.

Но в этом большом зале, где погасили уже три четверти огней и прислуга давала понять, что они ее задерживают, трудно было возобновить разговор с того, на чем он был прерван.

- Может быть, пойдем еще куда-нибудь?

- Куда? Если в бар, то там мы рискуем натолкнуться на Тео, а я не хочу с ним встречаться.

- Вы еще любите его?

- Нет. Не знаю.

- Вы сердитесь на него?

- Не знаю. Идемте. Мы можем просто пройтись.

Они вышли. Была темная туманная ночь. Свет редких фонарей расплывался мерцающими кругами. И сильнее, чем днем, слышался размеренный шум моря, возвещавший шторм.

- Позвольте мне продолжить вопросы?

Она носила туфли на очень высоких каблуках. Ради нее он избегал улиц без тротуаров, особенно мощенных булыжником, где она могла бы вывихнуть лодыжку.

- Для этого я и пришла сюда. Рано или поздно вы их все равно задали бы мне, правда? Лучше уж со спокойной душой вернуться завтра в Париж.

Со времен юности не часто доводилось Мегрэ бродить вот так ночью по темным и холодным улицам маленького городка в обществе красивой женщины, и он чувствовал себя чуть ли не виноватым. Навстречу попадались лишь редкие прохожие. Их шаги слышались задолго до того, как из темноты возникал силуэт. Многие оборачивались вслед этой запоздалой паре; возможно, за ними наблюдали и из-за штор освещенных окон.

- В воскресенье, если я не ошибаюсь, был день рождения вашей матери?

- Да, третьего сентября. Отчим превратил этот день в некое подобие национального праздника. И не допускал, чтоб кто-нибудь из семьи не был на торжестве. Мы сохранили обычай встречаться в этот день у матери. Для нас это стало традицией, вы понимаете?

- За исключением Тео, судя по тому, что вы мне рассказали.

- Да, исключая Тео после смерти его отца.

- Вы привезли на этот раз подарки? Могу я узнать, какие?

- По странному совпадению Мими и я сделали почти одинаковые подарки: кружевные воротнички. Трудно выбрать что-нибудь для моей матери. У нее есть все, чего она могла бы пожелать, - вещи дорогие и редкие.

Когда ей дарят безделушку, она раздражается хохотом, от которого становится не по себе. И благодарит с преувеличенной горячностью. Но она без ума от кружев, и вот нам с Мими пришла одна и та же мысль.

- Ни шоколада, ни конфет, ни сладостей?

- Догадываюсь, что вы имеете в виду. Нет, ничего этого не было. Никто не рискнул бы преподнести ей шоколад или конфеты, она их не терпит. Видите ли, моя мамаша относится к тем хрупким на вид женщинам, которые любым сладостям предпочитают маринованную или зажаренную селедку, соленые корнишоны и хороший кусок сала.

- А вы?

- Я нет.

- Кто-нибудь из семьи догадывается о том, что произошло однажды между отчимом и вами?

- Честно говоря, я в этом не уверена. Но готова поклясться, что мать все знала.

- От кого она могла узнать?

- Она обходилась без чьей-либо помощи. Простите, но мне опять приходится злословить: она всегда подслушивала у дверей, это было ее страстью. Сначала она следила за мной, потом за Фернаном. Она шпионила за всеми, кто жил в доме, в ее доме, включая метрдотеля, шофера и горничных.

- Зачем?

- Чтобы знать все, что происходит в ее доме.

- И вы полагаете, что она знала и о вас с Тео?

- Я почти уверена.

- И она никогда ничего вам не говорила, даже не намекала? Вам ведь не было тогда и двадцати лет. Она могла бы вас и предупредить.

- А для чего?

- Когда вы заявили о своем намерении выйти замуж за Жюльена Сюдра, разве она не пыталась вас отговорить? В то время этот брак мог выглядеть мезальянсом.

Фернан Бессон был на вершине успеха. Вы жили в роскоши - и вдруг выходите замуж за небогатого дантиста, за человека без будущего.

- Мать ничего мне не говорила.

- Отчим?

- Он не посмел. Он чувствовал себя виноватым передо мной, мне кажется, его мучила совесть. Думаю, что, в сущности, он был порядочным и даже совестливым человеком. Он, должно быть, был уверен, что я так поступаю из-за него. Он хотел сделать мне богатый подарок, но Жюльен не принял его.

- По вашему совету?

- Да.

- И ваша мать не подозревала об этом?

- Нет.

Они шли теперь по тропинке, поднимающейся вверх к вершине скалы; через равные промежутки времени небо прорезал луч маяка, и издали доносился зловещий вой сирены, включенной по случаю тумана. Даже здесь, наверху, чувствовался сильный запах водорослей.

Несмотря на высокие каблуки и парижский костюм, Арлетта не проявляла признаков усталости и не жаловалась на холод.

- Я задам еще один вопрос.

- Я знаю заранее почти все ваши вопросы.

- Как бы вы себя повели, если бы ваша мать вдруг заявила вам, что ей известна та сторона вашей жизни, о которой мы говорили?

- Я бы сказала ей, чтобы она не совала нос не в свои дела.

- Предположим, что она, надеясь вас спасти, заявляет, что считает своим долгом поставить в известность вашего мужа?

Молчание. Арлетта замедлила шаг.

- Так вот вы к чему клоните! - произнесла она с упреком.

- Право, я не хотел этого.

- Я уже говорила вам, что готова на все, чтобы Жюльен ничего не узнал.

- Но почему?

- Неужели вам непонятно!

- Вы не хотите причинить ему боль?

- И это тоже. Жюльен счастлив. Это один из самых счастливых людей, каких я встречала в жизни. И никто не имеет права нарушить его покой. И еще...

- Что еще?

- Возможно, он единственный мужчина, который уважает меня, относится ко мне иначе, чем... Вы знаете, о чем я хочу сказать.

- И вам необходимо это?

- Может быть.

- Настолько, что, если бы ваша мать...

- Если бы она стала угрожать, что очернит меня в его глазах, я пошла бы на все, чтобы не допустить этого.

- Вплоть до убийства?

- Да. - Она добавила:

- Могу заверить вас, что такой случай пока еще не представился.

- Почему пока еще?

- Потому что теперь она уже не только догадывается, но у нее есть прямое доказательство. Сегодня она сказала мне об Эрве.

- Что же она вам сказала?

- Вы будете поражены, если я повторю то, что она говорила. Видите ли, моя мамаша, внешне походя на маркизу, по сути осталась простолюдинкой, дочерью рыбака, и в семейной обстановке она не стесняется в выражениях. Она сказала, что прелюбодействовать я могла бы и в другом месте, а не под ее крышей, а по поводу того, что было между мной и Эрве, она разразилась самой отборной бранью. О Жюльене она говорила в не менее грубых выражениях, обозвав его рогатой скотиной, поскольку она уверена, что он все знает и даже извлекает из этого пользу.

- Вы защищали его?

- Я приказала ей замолчать.

- Каким образом?

- Глядя ей прямо в глаза, я потребовала, чтобы она замолчала. Но она продолжала свое, и я дала ей пощечину. Это настолько ее ошеломило, что она тотчас же успокоилась.

- Она ждет вас?

- Она, конечно, не ляжет до моего прихода.

- Вы действительно собираетесь там ночевать?

- Вы знаете обстановку и должны согласиться, что мне трудно поступить иначе. Перед отъездом я должна знать наверняка, что она ничего не скажет Жюльену и ничего не сделает, что встревожило бы его. - Она помолчала, потом, догадываясь о беспокойстве Мегрэ, добавила с усмешкой:

- Не бойтесь. Никакой драмы не произойдет!

Они добрались до самой вершины скалы. Молочная завеса тумана отделяла их от моря, которое билось о прибрежные камни.

- Спуститься мы можем, свернув направо. Дорога здесь лучше и выведет нас прямо к "Гнездышку". Вы уверены, что у вас больше нет вопросов ко мне?

Должно быть, взошла луна, туман стал прозрачнее, и, когда Арлетта остановилась, он увидел бледное пятно ее лица и темную полосу рта.

- Пока вопросов нет, - ответил он.

- Признайтесь: вы думаете, что я пыталась убить мою мать?

- Пока не думаю.

- Вы хотите сказать, что не вполне уверены?

- Я хочу сказать то, что говорю. Я пока ничего не знаю.

- Когда вы сочтете меня виновной, вы мне скажете?

- Вероятно.

- Скажете мне с глазу на глаз?

- Это я могу вам обещать.

- Но я ведь не виновна.

- Мне бы хотелось, чтобы это было так.

Ему уже претил этот затянувшийся, напряженный разговор, назойливость Арлетты стала его раздражать.

Ему казалось, что, рассказывая о себе, она слишком уж охотно грязнила себя.

- Мамаша еще не легла, - сказала Арлетта.

- Как вы это узнали?

- Видите свет? Это окно гостиной.

- Когда завтра отходит ваш поезд?

- Мне бы хотелось успеть на восьмичасовой. Если, конечно, вы меня не задержите здесь. Тогда я позвоню Жюльену и скажу, что я еще нужна маме.

- Он знает, что вам отвратительна ваша мать?

- Она мне не отвратительна. Я не люблю ее, вот и все. Так можно мне уехать восьмичасовым поездом?

- Да.

- Вас я не увижу до отъезда?

- Пока еще не знаю.

- Вы, наверное, захотите удостовериться перед моим отъездом, что мамаша жива?

- Может быть.

Они миновали еще более крутой склон, нечто вроде насыпи, и вышли на дорогу в пятидесяти метрах от ограды "Гнездышка".

- Вы не зайдете?

- Нет.

Окна виллы были скрыты кустами, и свет едва проникал сквозь густую листву.

- Спокойной ночи, господин Мегрэ.

- Спокойной ночи.

Сунув руки в карманы, он широко зашагал к городу!

Мысли беспорядочно теснились в его голове. Теперь, когда он расстался с Арлеттой, ему приходили на ум десятки вопросов, которые он не додумался задать ей. Он упрекал себя в том, что позволил ей уехать завтра утром, и готов был сейчас же вернуться и отменить ее отъезд.

И не допустил ли он ошибку, дав возможность этим женщинам провести ночь вместе? Не повторится ли между ними сегодняшняя сцена, только с еще большей резкостью и более опасным неистовством? Хорошо бы снова повидать Валентину, побеседовать с ней, посидеть в ее крошечной гостиной среди невинных безделушек.

В девять часов у него встреча с этим громогласным Шарлем Бессоном, от которого могут лопнуть барабанные перепонки.

Город словно вымер. В казино за отсутствием посетителей тоже потушили огни. На углу одной из улиц светились еще окна бара или, скорее, бистро, которое, видимо, работало и зимой для местных жителей.

Мегрэ нерешительно потоптался на тротуаре - его мучила жажда. В желтоватом свете за окном он увидел уже знакомую фигуру Тео Бессона, как всегда похожего на англичанина в своем костюме из шотландского букле.

В руке он держал стакан и разговаривал со стоящим рядом сильно загорелым парнем в черной паре, какую по воскресеньям надевают крестьяне, белой рубашке и темном галстуке.

Мегрэ нажал на дверную ручку, подошел к стойке и спросил кружку пива. Теперь он увидел этих двоих в зеркале, висевшем за стойкой, и ему показалось, что он перехватил взгляд Тео, приказывающий собеседнику замолчать.

Тишина воцарилась в баре, где их было четверо включая хозяина, да еще черный кот растянулся на стуле возле печи.

- Опять туман, - произнес наконец хозяин. - Такое уж время настало. А дни все же солнечные...

Молодой человек обернулся и стал разглядывать Мегрэ, который, выколотив трубку о каблук, затапывал ногой теплый пепел в опилки на полу. Смотрел парень вызывающе, напоминая тех деревенских забияк, которые, подгуляв на свадьбе или похоронах, ищут повода для драки.

- Не вы ли приехали утром из Парижа? - спросил хозяин, чтобы завязать разговор.

Мегрэ лишь кивнул утвердительно, отчего парень запетушился еще больше и еще пристальнее уставился на комиссара.

Так продолжалось несколько минут. Тео Бессон безразлично разглядывал бутылки, стоящие перед ним на столе. Цвет его лица, глаза, особенно мешки под глазами свидетельствовали о том, что пьет он много, постоянно, с самого утра. У него было отсутствующее выражение лица и вялые движения.

- Еще две порции! - приказал он хозяину.

Тот взглянул на молодого человека, который кивнул в знак согласия. Значит, они были вместе.

Тео залпом выпил свой стакан. Парень поступил так же. Затем Бессон-старший небрежно бросил несколько ассигнаций на прилавок, и оба пошли к двери. Молодой парень, выходя, дважды обернулся на комиссара.

- Кто это?

- Вы разве его не знаете? Это месье Тео - приемный сын Валентины.

- А парень?

- Один из братьев бедняжки Розы, покойницы. Она выпила яд, которым хотели отравить ее хозяйку.

- Старший брат?

- Да. Его зовут Анри. Он промышляет сельдь в Фекане.

- Сюда они пришли вместе?

- Как будто да. Впрочем, позвольте... В то время в зале было много народу. Во всяком случае, если и не вместе, то почти одновременно, один за другим.

- Вы не знаете, о чем они говорили?

- Нет. Вначале было шумно, разговаривали все сразу. Потом я выходил заряжать бочку.

- А прежде вы их не видели вместе?

- Как будто нет. Впрочем, я не уверен. Зато я видел Тео с барышней.

- Какой барышней?

- Розой.

- Где вы их видели, на улице?

- Я видел их здесь, в моем баре. Два раза по меньшей мере.

- Он за ней ухаживал?

- Смотря по тому, что вы подразумеваете под этим словом. Они не обнимались, и он не щупал ее, если вы это имеете в виду. Но они мило болтали, смеялись, и было ясно, что она охотно пила с ним. С Розой это было просто - с первого стакана она начинала хохотать, а после второго была готова.

- Давно вы их видели?

- Погодите-ка... Последний раз с неделю назад. Да, это было в среду, как раз в тот день моя жена ездила в Гавр. Она всегда отправляется туда по средам.

- А когда они здесь были в первый раз?

- Примерно за неделю или две до этого.

- Тео Бессон - ваш постоянный клиент?

- Нельзя сказать, чтобы он был только моим клиентом. Он бывает во всех заведениях, где можно выпить.

Ведь ему нечего делать, вот он и прогуливается. Не может пройти мимо открытого бара или кафе. Правда, никогда не шумит, ни с кем не задирается. Бывает, что к вечеру у него заплетается язык, вот и все. - Хозяин вдруг спохватился, словно испугавшись, что наговорил лишнего. - Надеюсь, вы не подозреваете, что он пытался отравить мачеху? За кого я поручусь, так это за него. К тому же люди, пьющие как он, не способны на злой умысел. Много опаснее те, которые, напившись случайно, теряют рассудок и не ведают, что творят.

- Часто бывает у вас брат Розы?

- Редко. Рыбаки из Ипора неохотно приезжают в Этрета. Это особые люди. Они скорее поедут в Фекан: он ближе и больше подходит им по духу. Рюмочку кальвадоса, чтобы сдобрить пиво? За мой счет.

- Нет. Еще кружку пива.

Пиво было несвежее, и Мегрэ чувствовал его в желудке всю ночь. Часто просыпался. Во сне его мучали кошмары. Какие именно, он не помнил, но в сознании они оставляли мучительный, неприятный осадок. Когда он наконец поднялся, сирена по-прежнему хриплым воем оповещала о тумане. Прилив, должно быть, достиг уже высокого уровня, потому что отель содрогался от могучих ударов волн.

Глава 5

СУЖДЕНИЯ ДОСТОЙНОГО ЧЕЛОВЕКА

Туман почти рассеялся, но притихшее море медленно, словно вздыхая, все еще дымилось. В мглистых облаках над морем стояла радуга.

Всходившее солнце золотило дома, воздух был чист, свеж, и все поры жадно впитывали его. Вкусно пахли лавки зеленщиков, бутылки с молоком еще ждали у порогов хозяек, а в пекарнях был жаркий час, когда румянились корочки.

И снова, как в детстве, мир предстал перед ним не таким, как он есть, а каким хотелось бы его видеть. Городок Этрета с его чересчур маленькими, чересчур красивыми, чересчур свежевыкрашенными домами казался не правдоподобно чистым и невинным для случившейся трагедии. И скалы выступали из тумана точно такими, как на открытках, выставленных у ворот рынка, а мясник, булочник, торговец овощами вполне могли сойти за персонажей детских сказок.

Свойственно ли это только ему, Мегрэ? Или и другие люди воспринимают мир так же, только не признаются в этом? Ему бы так хотелось, чтобы мир был именно таким, каким он являлся в раннем детстве! Про себя Мегрэ называл это "как на картинках". И не только внешне, но чтобы такими были сами люди: отец, мать, примерные дети, добрые седые бабушки и дедушки...

Когда он начинал работать в полиции, ему, например, долгое время городок Везинэ представлялся самым гармоничным местом в мире. Это было в двух шагах от Парижа, но до 1914 года там редко встречались автомобили.

У богатых буржуа в Везинэ были загородные виллы, дома кирпичной кладки, просторные и удобные, с заботливо ухоженными садами, фонтанами, качелями и огромными посеребренными шарами. Слуги носили ливреи с галунами, а горничные - обшитые кружевами белые чепцы и фартуки.

Казалось, что здесь могли жить только самые счастливые и добродетельные семьи, в которых царят мир и радость. И он был разочарован в душе, когда вдруг на одной из этих вилл с прилизанными аллеями разразился непристойный скандал - гнусное убийство мачехи из-за денег.

Теперь он, конечно, не обольщался. Долгие годы он сталкивался главным образом с изнанкой жизни; но словно сохранилось в нем навсегда это детское восприятие мира, "как на картинках".

Небольшой вокзал выглядел так, словно его старательно разрисовал акварельными красками примерный ученик, даже розовый дымок вился над трубой. Он снова застал игрушечный поезд, служащего, проверявшего билеты (мальчиком он мечтал стать контролером на железной дороге). И он увидел только что приехавшую Арлетту. Она была так же изящна и элегантна, как накануне, в парижском туалете, с саквояжем крокодиловой кожи в руке.

Только что он чуть было не отправился ей навстречу по пыльной дороге, на которой, должно быть, приятно пахло скошенной травой и полевыми цветами. Его отпугнула мысль, что будет похоже, будто он спешит на свидание. Медленно спускаясь с холма на своих высоких каблуках по этой дороге, она, вероятно, чувствовала себя чересчур светской дамой.

Почему же все-таки в действительности все выглядит другим? Иначе говоря, зачем детей пичкают иллюзиями о мире несуществующем, а потом они всю жизнь пытаются сопоставлять этот мир с окружающей их действительностью?

Она сразу же заметила, что он ждет ее на перроне у газетного киоска, и, протягивая билет контролеру, чуть неуверенно улыбнулась ему. Она выглядела усталой, и во взгляде ее читалось беспокойство.

- Я была уверена, что встречу вас здесь, - сказала она.

- Как там все обошлось?

- Это было мучительно.

Взглядом она искала свободное купе. Только в одном из купе первого класса не оказалось попутчиков.

- А ваша мать?

- Она жива. Во всяком случае, была жива, когда я уходила.

Поезд должен был вот-вот тронуться. Положив саквояж на скамью, она встала в дверях у самой подножки.

- Вы снова ссорились?

- Спать мы легли очень поздно. Я кое-что должна сказать вам, господин Мегрэ. Это, правда, только мое предчувствие. Но оно терзает меня. Роза умерла. Но чутье мне подсказывает, что этим не кончится. Готовится новая драма.

- Ваше предположение основано на том, что говорила мать?

- Нет. Я сама не знаю, на чем.

- Вы считаете, что жизнь ее по-прежнему под угрозой?

Она не ответила. Ее светлые глаза были обращены к киоску.

- Инспектор уже ждет вас, - заметила она, словно давая понять, что интимность их разговора нарушена.

Она поднялась в купе. Начальник станции поднес к губам свисток, локомотив пустил пары.

Это был действительно Кастэн. Он приехал раньше, чем обещал накануне, и, не застав Мегрэ в отеле, решил поискать его на вокзале. Вышло как-то неловко. Но почему, собственно говоря, неловко?

Поезд медленно тронулся. Комиссар пожал руку инспектору.

- Что нового?

- Ничего особенного, - ответил Кастэн. - Но я тревожился без всяких на то причин. Мне снились две женщины - мать и дочь, - они были одни в небольшом домишке.

- И кто из них кого убивал?

Пришла очередь Кастэну смутиться.

- Как вы догадались? Мне снилось, что мать убивала дочь. И чем, как вы думаете? Поленом, выхваченным из печи.

- К девяти должен подъехать Шарль Бессон. У него умерла теща. Люка что-нибудь сообщил вам по телефону?

- Очень немного. Но он еще перезвонит в Гавр, как только получит новые сведения. Я распорядился, чтобы его соединили с вашим отелем.

- Что там известно о Тео?

- У Тео не раз были неприятности с неоплаченными векселями. Но ему всегда удавалось расплатиться до вызова в суд. У него много друзей среди богатых кутил, которым требуются

собутельники. Время от времени он пристраивается к какому-нибудь коммерческому делу, но, как правило, в роли посредника.

- У него нет женщин?

- Судя по всему, он не слишком увлекается женщинами, иногда заводит любовницу, но ненадолго.

- Это все?

Из небольшого бара так вкусно пахло кофе и коньяком, что оба они, не устояв перед соблазном, зашли и уселись за стол, на котором стояли пустые чашки, пахнувшие спиртным.

- Меня встревожил не столько сон, - продолжал вполголоса инспектор, - сколько размышления, которыми я даже поделился с женой, перед тем как заснуть. Я часто думаю вслух, так у меня лучше получается. Жена согласилась со мной. Пять лет прошло с того времени, как умер старик Бессон, так ведь?

- Примерно так.

- И насколько нам известно, с тех пор мало что изменилось, но только в прошлое воскресенье кто-то пытался отравить Валентину. И заметьте, чтобы рассеять подозрение, был выбран единственный день, когда в доме оказалось много народу.

- Да, это имеет значение. Что же дальше?

- И умерла не Валентина, а несчастная Роза. Значит, если были мотивы для убийства Валентины, они существуют и по сей день. И до тех пор, пока мы не узнаем эти мотивы...

- Опасность не устранена, вы это хотите сказать?

- Да. И возможно, ваше присутствие еще более усугубляет опасность. У Валентины нет состояния, следовательно, убить ее пытались не из-за денег. Значит, кто-то пытается помешать разоблачению того, что известно Валентине. Значит, Валентине что-то известно, и кто-то пытается не допустить разоблачения. В этом случае...

Мегрэ не слишком внимательно слушал рассуждения инспектора. Он смотрел в окно и наслаждался утром, смакуя то особое трепетание воздуха, какое бывает, когда солнечные лучи разгоняют ночную влагу.

- Люка что-нибудь говорил о Жюльене?

- Супруги Сюдр живут очень скромно, снимают квартиру из пяти комнат в дешевом доме, держат горничную.

У них есть автомобиль. Субботу и воскресенье они проводят за городом.

- Все это мне известно.

- Виноторговец Эрве Пейро богат, у него большое предприятие на набережной Берси, все свободное время он прожигает с женщинами самого разного пошиба.

У него три автомобиля, один - марки "Бугатти"...

"Семейный пляж", - прочел как-то Мегрэ в одном из рекламных проспектов. Так оно и есть. Матери с детьми, мужья, приезжающие к ним в субботний вечер, старики и старухи с бутылками минеральной воды и коробочкой пилюль на столике в отеле, всегда встречающие друг друга в казино в одних и тех же креслах; кондитерская сестер Серэ, где подают пирожные и мороженое; старые рыбаки, всегда одни и те же, которых фотографируют на фоне лодок, вытасненных на берег...

Фернан Бессон также был уважаемым старым господином, а Валентина - самой очаровательной старушкой. Арлетта сегодня утром могла бы позировать для почтовой открытки, муж ее - уважаемый дантист, а Тео - эталон джентльмена, которому прощают его пристрастие к спиртному, потому что он всегда спокоен и держится с достоинством.

У Шарля Бессона - жена, четверо детей, младшему только несколько месяцев; в ожидании траурного костюма по случаю смерти тещи Шарль повязал себе черную ленту на рукав. Он депутат, с министром на "ты", во время предвыборной кампании, должно быть, дружески пожимает руки, целует ребятшек и чокается с рыбаками и крестьянами...

Он оказался одним из тех, кого называют "милейшими людьми", а матушка комиссара Мегрэ назвала бы, пожалуй, "достойным человеком", - высокий, широкоплечий, чуть располневший, с обозначившимся брюшком, немного наивным взглядом и усиками на пухлой верхней губе.

- Я не заставил вас ждать, комиссар? Здравствуйте, Кастэн, рад снова вас видеть.

Его автомобиль был недавно выкрашен заново.

- Никаких дурных новостей?

- Никаких.

- А как мачеха?

- У нее как будто все в порядке. Только что уехала Арлетта.

- А! Она опять приезжала? Как это мило с ее стороны! Я не сомневался, что она приедет успокоить мать.

- Вы позволите, господин Бессон?

Мегрэ отвел Кастэна в сторону и поручил ему отправиться сначала в Ипор, а затем в Фекан.

- Прошу прощения, - сказал комиссар, возвращаясь к Бессону. - Я должен был дать инспектору кое-какие распоряжения. Признаюсь, я даже не представляю, где принять вас. В такую рань моя комната, наверное, еще не убрана.

- Я охотно выпью что-нибудь, а затем, если вы не боитесь свежего ветра, мы могли бы посидеть на террасе казино. Надеюсь, вы не слишком сердитесь, что я не смог встретить вас? Моя жена в отчаянии, из Марселя приехала ее сестра, супруга судовладельца, - их теперь только двое, в семействе Монте не было сына, - и вот на меня свалились теперь все неприятности...

- Вы полагаете, что вас ждут неприятности?

- О теще я не могу сказать ничего плохого. Она была достойной женщиной, но к старости у нее появились странности. Вы слышали, что ее муж занимался строительным делом? Половина жилых домов и немало общественных зданий в Дьеппе сооружены им. Большую часть состояния он оставил в недвижимости. Моя теща сама всем управляла после смерти мужа. Она никогда не давала согласия на ремонт зданий. Отсюда несчетное число тяжб с жильцами, муниципалитетом и даже с налоговой инспекцией.

- Разрешите вопрос, месье Бессон. Встречалась ли ваша теща с Валентиной?

Мегрэ выпил вторую чашку кофе с коньяком и принялся наблюдать за собеседником, который вблизи оказался более обрюзгшим и менее представительным.

- К несчастью, нет. Они никогда не соглашались на встречу.

- Ни та ни другая?

- Точнее, мать моей жены не желала знать Валентину. Это глупая история. Валентина, когда я представил ей Мими, внимательно осмотрела ее руки и пробормотала что-то вроде: "У вас, конечно, не отцовские руки?" - "Как это понять?" - "Руки каменщика я представляла себе большими и широкими", - ответила Валентина.

- Видите, как все это глупо? - развел руками Бессон. - Мой тесть действительно в начале своей карьеры был каменщиком, хотя очень недолго. И все же он привык сквернословить. Думаю, что это он делал нарочно, ведь он был богат; он был важной персоной в Дьеппе и во всей округе, и его забавляло шокировать людей своим поведением и крепкими словами.

Когда моей теще передали слова Валентины, она была задета за живое. "Это все-таки лучше, чем быть дочерью спившегося рыбака!" - сказала она. Потом она припомнила время, когда Валентина была продавщицей в кондитерской сестер Серэ...

- И обвиняла Валентину в том, что та отличалась примерным поведением?

- Да. Она еще подчеркивала разницу в годах ее и мужа. Короче, они никогда не соглашались встретиться. - Пожимая плечами, Бессон добавил:

- Подобные истории бывают во всех семьях, не так ли? Хотя каждая из них - достойная женщина.

- Вы очень любите Валентину?

- Очень. Она всегда была добра ко мне.

- А как относится к Валентине ваша жена?

- Естественно, что Мими менее расположена к ней.

- Они ссорятся?

- Они редко видятся. Не чаще одного раза в году.

Перед встречей я всегда рекомендую Мими быть терпимей, подчеркивая, что Валентина - пожилой человек. Она обещает. Но это не предотвращает взаимных колкостей.

- Так было и в прошлое воскресенье?

- Не знаю. Я водил ребят на прогулку.

"Кстати, что думают дети о своем отце? - подумал Мегрэ. - Вероятно, как и большинство детей, они уверены, что он сильный, умный человек, способный защитить и направить их жизнь. Они не понимают, что это безвольный и недалекий человек, не приспособленный к жизни.

Мими, должно быть, говорит о нем: "О, он так добр!"

А он и в самом деле любит их всех и на жизнь смотрит большими глазами, наивными, сластолюбивыми.

Ему, конечно, всегда хотелось быть сильным, умным, лучшим из мужчин!

И у него, наверное, была масса всяких планов. Многие из них ему не удалось осуществить, и некоторые если и осуществлялись, то приводили к фиаско. В обоих случаях он считал, что просто обстоятельства были против него.

И все-таки разве он не добился, чтобы его избрали депутатом? Теперь-то все узнают ему истинную цену.

Вся страна услышит о нем, он станет министром, неподкупным государственным деятелем..."

- В молодости вы не были влюблены в Валентину?

Она ведь старше на какой-нибудь десяток лет?

Оскорбленный, даже возмущенный вопросом, он воскликнул:

- Никогда в жизни!

- Ну а позже не влюблялись ли в Арлетту?

- К ней я всегда относился как к сестре.

Неужели и этот воспринимает мир и людей тоже "как на картинках"? Бессон вынул из кармана сигару. Удивленный, что Мегрэ не следует его примеру, тщательно раскурил сигару и, медленно вдыхая дым, следил, как он тает в воздухе.

- Не отправиться ли нам на террасу? Там удобные кресла, обращены они к пляжу. Мы полюбуемся морем.

Круглый год он жил у моря, но всегда с одинаковым удовольствием любовался им, удобно устроившись в кресле, хорошо одетый, гладко выбритый, с видом значительного и процветающего человека.

- А ваш брат Тео?

- Вы хотите узнать, не был ли он влюблен в Валентину?

- Да.

- Наверняка не был. Я ничего подобного не замечал.

- И в Арлетту?

- И того меньше. Я еще был мальчиком, а у Тео уже были связи, особенно с "дамочками", как я их называю.

- Арлетта тоже не влюблялась в него?

- Возможно, она "обожала" его, как говорит моя жена об увлечениях девочек. Вы знаете, как это бывает. Без последствий. И доказательство тому - ее раннее замужество.

- Вас это не удивило?

- Что именно?

- Ее брак с Жюльеном Сюдром.

- Нет. Разве что немного. Ведь он не был богат, а мы считали, что Арлетте не прожить без роскоши. Одно время она отличалась большим снобизмом. Но это прошло. Думаю, что у нее с Жюльеном была настоящая любовь. Он оказался человеком широких взглядов. Отец хотел преподнести им в качестве приданого крупную сумму, в то время мы были необычайно богаты. Но Жюльен отказался.

- И она тоже?

- Да. Таким образом, буквально на следующий день она должна была привыкать к скромному существованию. Обстоятельства и нас всех приучили к тому же, но позже.

- Ваша жена и Арлетта в хороших отношениях?

- Думаю, да. Хотя они очень разные. У Мими дети, весь дом на ее руках, она редко бывает в обществе.

- А ей хотелось бы вести более светский образ жизни? Не тянет ли ее в Париж?

- Она терпеть не может Парижа.

- И не скучает в Дьеппе?

- Разве чуть-чуть. К несчастью, сейчас, когда я стал депутатом, мы не имеем возможности жить в столице.

Что скажут мои избиратели?

Слова Шарля Бессона вполне гармонировали с окружающим пейзажем - с голубым, как на открытке, морем, сверкающим на солнце утесом, с купальщиками, которые словно позировали перед фотоаппаратом...

В конце концов, реальная ли это действительность?

Или же только мираж? И может быть, этот большой самодовольный ребенок по-своему прав? И действительно ли умерла Роза?

- Вы не удивились, встретив здесь брата в воскресенье?

- Да, сначала немного удивился. Я думал, что он в Довиле. Или же в одном из солонских замков - ведь уже начало сентября и разрешена охота. Тео, знаете ли, сохранил светские

привычки. Когда у него было состояние, он жил на широкую ногу и охотно принимал друзей. Они этого не забыли и теперь в свою очередь приглашают его.

Совершенно иная картина! Несколько слов - и это уже совсем другой Тео.

- У него есть средства?

- Денежные? Не знаю. Если и есть, то очень немного. Но у него нет расходов. Он холостяк.

Нотки зависти проскользнули в словах этого грузного человека, обремененного четырьмя детьми.

- Он всегда элегантен. Но это потому, что он аккуратно носит вещи. Его часто приглашают в высшее общество. И мне кажется, что от случая к случаю он занимается и коммерцией. Он ведь очень умен и, если бы захотел...

"Да, да, - подумал Мегрэ, - Шарль тоже, если бы он только захотел..."

- Он сразу же согласился пойти с вами в воскресенье к Валентине?

- Нет. Не сразу.

- Он сказал вам, почему он здесь?

- Надеюсь, комиссар, вы не подозреваете Тео?

- Я никого не подозреваю, месье Бессон. Мы просто беседуем. Я стараюсь составить себе как можно более точное представление о семье.

- В таком случае, если хотите знать мое мнение, Тео сентиментален, хотя и опровергает это. Он тоскует по Этрета, где мы детьми проводили каникулы. Вам известно, что мы приезжали сюда, когда была еще жива наша мать?

- Да, это понятно.

- Я сказал ему, что у него нет никаких оснований дуться на Валентину. И что она тоже на него не сердится. В конце концов он пошел со мной.

- Как он вел себя там?

- Как светский человек. Поначалу чувствовал себя несколько скованным. Увидев наши подарки, он извинился, что пришел с пустыми руками.

- А с Арлеттой?

- Что? Между ним и Арлеттой никогда ничего не было.

- Таким образом, за обедом семья была в полном сборе?

- Кроме Сюдра, который не смог приехать.

- Да, о Сюдре я забыл. Вы не заметили ничего такого - какую-нибудь деталь, которая могла бы навести на мысль о готовящейся драме?

- Ровным счетом ничего. А я ведь очень наблюдателен.

Ну и болван! Какое же иногда счастье быть болваном!

- Нужно сказать, что Мими и я были очень заняты детьми. Дома они сравнительно спокойны, а в гостях очень возбуждаются. Вы ведь заметили, что дом Валентины крошечный, а в столовой так тесно, что невозможно выйти из-за стола. И наш малыш, который обычно спит, воспользовался этим и орал не переставая целый час, буквально оглушив всех. Мы уложили его на бабушкиной кровати, а со старшими не знали, что делать.

- Розу вы хорошо знали?

- Каждый раз, приезжая в "Гнездышко", я видел ее.

Она была славной девушкой, немного замкнутой, как и большинство местных жителей. Правда, стоит их узнать поближе...

- Значит, видели вы ее примерно раз пять-шесть?

- Пожалуй, несколько больше.

- Вы разговаривали с ней?

- Ну, как говорят с прислугой? Мимоходом, на кухне. Она была хорошей кухаркой. Не знаю, как теперь устроится Валентина, она ведь любит вкусно поесть.

Знаете, комиссар, если судить по вашим вопросам и моим ответам, боюсь, что вы на ложном пути.

Мегрэ невозмутимо продолжал потягивать трубку, следя глазами за крошечным корабликом, постепенно исчезающим за горизонтом.

- Впрочем, я так и предполагал. И, предвидя, в каком направлении полиция поведет следствие, просил министра об одолжении: передать следствие в ваши руки.

- Благодарю вас.

- Ну что вы! Это я должен благодарить вас, что вы приехали. Хотя я очень занят, но мне, как и многим, случается читать детективные романы. Бесполезно спрашивать, принимаете ли их всерьез вы. В этих романах каждый что-то скрывает, совесть у всех более или менее нечиста и жизнь людей, внешне самых простых, оказывается запутанной и сложной... Теперь вы немного знакомы с семьей, - продолжал Шарль Бессон. - Надеюсь, вы поняли, что ни у кого из нас нет причин ненавидеть мачеху, причем ненавидеть настолько, чтобы хладнокровно подготовить ее убийство. В желудке Розы был обнаружен мышьяк. И если я правильно понял, он находился в стакане с лекарством, предназначавшимся Валентине. Я не оспариваю выводы экспертов, которые, должно быть, знают свое дело. Хотя даже и у них случаются ошибки и разногласия... Вы встречались с Арлеттой, господин комиссар. Вы видели Тео.

И вот перед вами я. Если бы на Мими не обрушилось горе, я ее привез бы к вам и вы бы убедились, что она не способна никому причинить зла... Все мы были так счастливы в воскресенье! Я предполагаю - пусть даже меня поднимут за это на смех, - что только нелепая случайность могла стать причиной катастрофы.

- Скажите, вы верите в привидения?

Мегрэ был в восторге от своего вопроса, который задал с наигранной улыбкой, как он сделал бы это в парламенте, подпуская ежа своему противнику.

- Нет, я в привидения не верю.

- И я не верю. Однако не проходит года, чтобы где-нибудь во Франции не объявлялся бы дом с привидениями, и несколько дней, а то и недель все местное население пребывает в смятении. В одном городке мне приходилось наблюдать, как целая армия жандармов, полицейских и экспертов не могла найти объяснение тому, что каждую ночь в доме двигались вещи. Но неизбежно все это в один прекрасный день объясняется.

И в большинстве случаев настолько просто, что история завершается взрывом хохота.

- Но ведь Роза мертва, не так ли?

- Я знаю это и не собираюсь утверждать, что она сама отравилась. Лечивший ее доктор Жолли говорит, что она была здорова телом и духом. Ни ее знакомства, ни ее жизнь не дают основания заподозрить самоубийство. Не забывайте, что яд уже был в стакане, когда Валентина захотела выпить лекарство и не выпила его, почувствовав, что оно слишком горчит.

- Согласен. Я не пытаюсь вас убедить, я просто говорю: никто из присутствовавших на обеде у Валентины не был заинтересован в убийстве старой беззащитной женщины.

- Известно ли вам, что ночью в доме был мужчина?

Шарль слегка покраснел и сделал жест, словно отгоняя назойливую муху:

- Мне говорили. Я с трудом в это поверил. Но ведь АрLETTE тридцать восемь лет. Она чрезвычайно хороша собой. И пользуется успехом больше, чем другие. Может, это не так

страшно, как можно подумать. Во всяком случае, я надеюсь, что Жюльен об этом никогда не узнает.

- Вероятно.

- Видите ли, господин Мегрэ, любой мог бы заподозрить кого-либо из присутствовавших на обеде, но ведь вы, судя по тому, что я о вас знаю, проникаете в самую суть вещей. Я убежден, как и в случаях с привидениями, вы откроете необычайную истину.

- Например? Что Роза не умерла?

Шарль Бессон рассмеялся, не совсем, однако, уверенный, что это шутка.

- К тому же откуда появился мышьяк? - спросил он.

- Не забывайте, что ваш отец был фармацевтом и что Тео, как мне говорили, изучал химию, что вы сами некоторое время работали в лаборатории. Я хочу сказать, что все в семье знакомы в какой-то степени с лекарствами.

- Об этом я не подумал, но это ничего не меняет.

- Разумеется.

- Не исключено также, что кто-то мог пробраться в дом с улицы.

- Бродяга, например?

- А почему бы и нет?

- Вы хотите сказать, что кто-то дождался такого момента, когда дом был полон людей, влез через окно на второй этаж и высыпал яд в стакан? Эта деталь, кстати говоря, тоже имеет значение. Ведь яд подсыпали не в бутылку со снотворным, где его и следов не обнаружили, а прямо в стакан.

- Да, вы сами видите, как тут все не вяжется.

- А Роза все-таки умерла.

- В таком случае, что вы сами об этом думаете, господин Мегрэ? Скажите мне ваше мнение, как мужчина мужчине. Разумеется, обещаю вам, не стану предпринимать ничего, что могло бы помешать вашему следствию.

Кто это сделал?

- Не знаю.

- То есть как?

- Пока еще не знаю.

- Но...

- Мы это узнаем, когда я смогу ответить на два главных вопроса.

- У вас есть подозрения?

Теперь он чувствует себя неловко в кресле, пожевывает кончик потухшей сигары, от которой у него, должно быть, горчит во рту. Может, как это бывало и с Мегрэ, он все цепляется за свои иллюзии, за то представление о мире, которое только что разрушили.

Почти трогательно видеть его взволнованным, взбудораженным, следящим за малейшими оттенками выражения лица комиссара.

- Произошло убийство, - сказал Мегрэ.

- Это как будто бесспорно.

- Без причин не убивают. Особенно ядом, что несовместимо с порывом гнева или страсти. За время моей службы я не встречал ни одного отравления, которое не было бы связано с денежными интересами.

- Но какие же интересы могли здесь быть, черт возьми? - Он в конце концов не сдержался.

- Я их не раскрыл.

- Все, чем владеет моя мачеха, принадлежит только ей, без права наследования. За исключением какой-то мебели и безделушек.

- Мне это известно.

- Я не нуждаюсь в деньгах, особенно сейчас. И Арлетта тоже. Тео деньги не интересуют.

- Мне уже не раз говорили все это.

- И что же?

- Ничего. Я только начал следствие, господин Бессон. Вы пригласили меня, и я приехал. Валентина тоже просила меня заняться этим делом.

- Она вам писала?

- Не писала и не звонила по телефону. Она сама приехала ко мне в Париж.

- Я знал, что она была в Париже, но думал, что она ездила навестить дочь.

- Она явилась в сыскную полицию и была в моем кабинете, когда мне передали распоряжение министра.

- Забавно.

- Почему?

- Потому что я не сомневался, что она знает вас.

- Мне она сказала, что по газетам следила за моими расследованиями и собирала даже некоторые вырезки. Что вам в этом не нравится? - спросил Мегрэ, видя, что Шарля передернуло.

- Да нет, ничего.

- Вы предпочитаете не отвечать на этот вопрос?

- Ничего особенного, уверяю вас. Только я ни разу не видел, чтобы моя мачеха читала газету. Она их и не выписывает и всегда отказывалась от радио и даже от телефона. Ей глубоко безразлично все, что происходит в мире.

- Вот видите, как иногда делаются открытия.

- О чем же это открытие говорит?

- Узнаем позже. Возможно, ни о чем.

- Тео все еще в Этрета?

- Да, я встретил его вчера вечером.

- В таком случае имеем шанс застать его в баре. Вы говорили с ним?

- Не было случая.

- Я вас познакомлю.

Видно было, что Шарль чем-то озабочен. На этот раз он просто откусил конец новой сигары и прикурил кое-как.

Ребята играли в море большим красным мячом.

Глава 6

РОЗА И ЕЕ СТРАННОСТИ

Шарль Бессон не ошибся. В баре, помимо Чарли, находился всего один человек, это был Тео. Он сидел перед недопитой рюмкой аперитива "Мастик" {спиртной напиток с привкусом аниса} и за отсутствием партнера сам с собой играл в покердайс {игра в кости, на которых вместо цифр изображены фигуры карточной колоды}.

Шарль устремился к нему, счастливый и гордый возможностью представить комиссару старшего брата, а тот смотрел на вошедших тусклым взглядом и неохотно покидал табурет у стойки.

- Знаешь ты комиссара Мегрэ?

Тео мог бы ответить: "Только понаслышке", или "Как и все", или еще что-нибудь в этом роде, что дало бы понять, что для него это не просто первое попавшееся имя, - но он лишь церемонно поклонился и, не подавая руки, процедил:

- Очень рад.

Вблизи он выглядел старше: заметнее выступали мелкие морщины, похожие на трещины. Должно быть, по утрам он немало времени проводил в парикмахерской, где с ним проделывали сложные косметические процедуры, включая и массаж лица; кожа у него была словно у старой кокетки.

- Ты, конечно, знаешь, что по моей просьбе и просьбе Валентины, специально ездившей в Париж, комиссар согласился вести следствие? - Шарль был несколько огорчен тем, что брат встретил их с ледяной вежливостью путешествующего монарха. - Мы тебе не помешали?

- Ничуть.

- Только что на пляже мы провели целый час под солнцем, и нас мучает жажда. Чарли!

Тот дружески подмигнул Мегрэ.

- Что ты пьешь, Тео?

- Виски.

- Терпеть не могу виски. А вы что пьете, комиссар?

Себе я закажу пикон-гренадин.

Вышло так, что и Мегрэ взял себе то же самое. Давно он уже не пробовал этот напиток, и каким-то загадочным образом он сразу же напомнил ему времена отпусков.

- Ты был у Валентины после воскресенья?

- Нет.

У Тео были большие, холеные, бледные руки, поросшие рыжеватыми волосками, на мизинце - большой перстень-печатка. На нем не было ни одной вещи, какую можно приобрести в заурядном магазине. Да, несомненно, он облюбовал для себя определенный внешний облик и следовал ему неизменно. Кто-то в свое время произвел на него неизгладимое впечатление - возможно, какой-нибудь английский аристократ; он изучал его жесты, походку, манеру одеваться, даже мимику. Вот и теперь он время от времени вяло подносит руку ко рту, словно собираясь зевнуть, но не зевает.

- Ты еще долго пробудешь в Этрета?

- Не знаю.

Шарль все старался представить брата в более выгодном свете и объяснял комиссару:

- Презабавный парень. Никогда не знает накануне, что будет делать на следующий день. Без всяких на то причин после ужина у "Фуке" или "Максима" он вдруг может собрать чемодан и улететь в Канн или Шамони, в Лондон или Брюссель. Так ведь, Тео?

Но Мегрэ уже перешел в атаку:

- Позвольте задать вам один вопрос, господин Бессон. Когда в последний раз у вас было свидание с Розой?

Бедняга Шарль оторопело уставился на обоих и раскрыл было рот, чтобы запротестовать. Он, видимо, не сомневался, что старший брат станет решительно опровергать возможность чего-либо подобного.

Но Тео возражать не стал. Он, казалось, был озадачен и, прежде чем поднять глаза на комиссара, несколько мгновений рассматривал дно своего стакана.

- Вы хотите знать точную дату?

- Да, возможно более точную.

- Шарль вам подтвердит, что я никогда не помню чисел и путаю дни недели.

- Больше недели тому назад?

- Примерно неделя.

- В воскресенье?

- Нет. Даже под присягой я дважды подумал бы, прежде чем ответить. Ну а на скорую руку могу сказать, что было это в прошлую среду или четверг.

- Часто вы с ней встречались?

- Не помню точно. Два-три раза.

- Познакомились вы с ней не у вашей мачехи?

- Вам, наверное, говорили, что я не встречаюсь с мачехой. Я не знал, где работает эта девушка, когда с ней познакомился.

- Где это произошло?

- На гулянье в местечке Вокотт.

- Ты стал волочиться за горничными? - пошутил Шарль, давая понять, что это не в привычках старшего брата.

- Я смотрел бег в мешках. Она стояла рядом со мной. Не припомню уж, кто первым заговорил - то ли она, то ли я. Во всяком случае, она сказала, что деревенские праздники похожи друг на друга, что все это глупо и она предпочитает уйти. Я тоже собирался уходить и из вежливости предложил ей место у себя в машине.

- И это все?

- Повторить, Чарли!

Тот, уже не спрашивая позволения, наполнил три стакана, и Мегрэ не стал возражать.

- Она говорила, что много читает, рассказала о книгах, которые не могла понять, но которые волновали ее.

Должен ли я рассматривать это как допрос, господин комиссар? Заметьте, что я готов подчиниться, если это требуется, но согласитесь, что не в таком месте...

- Полно, Тео! - возразил Шарль. - Не забывай, что господин Мегрэ приехал сюда по моей просьбе.

- Из тех, с кем я встречался, вы первый, кто, видимо, немного знает эту девушку, - добавил комиссар. - Во всяком случае, вы первый что-то рассказываете мне о ней.

- Что же еще вы хотите узнать?

- Что вы думаете о ней?

- Это деревенская девушка, но она слишком много читала и поэтому задавала несуразные вопросы.

- О чем?

- Обо всем. О доброте и эгоизме, об отношениях между людьми, о разуме. Разве все упомнишь?

- А о любви?

- Она заявила мне, что не верит в любовь и никогда не опустится до того, чтобы отдаться мужчине.

- Даже выйдя замуж?

- К замужеству она относилась как к чему-то, по ее словам, весьма постыдному.
- Стало быть, между вами ничего не было?
- Абсолютно ничего.
- Никаких вольностей?
- Случалось, что она брала меня за руку, когда мы шли пешком, а когда случалось ехать в автомобиле - слегка опиралась о мое плечо.
- Она никогда не говорила вам о ненависти?
- Нет, ее коньком были эгоизм и высокомерие, последнее слово она произносила с сильным нормандским акцентом. Чарли!
- Короче говоря, - вмешался брат, - ты ради забавы занимался изучением характера?
- Тео не стал утруждать себя ответом.
- Это все, господин комиссар?
- До смерти Розы вы были знакомы с Анри?

На этот раз Шарль забеспокоился не на шутку. Откуда Мегрэ, говоривший с ним о пустяках, все это знает? Поведение Тео начинало казаться ему не таким уж естественным, особенно его затянувшееся пребывание в Этрета.

- Я знал его только по имени. Она рассказывала мне обо всех своих родных, которых она не любила, конечно, по той причине, что они якобы не понимали ее.

- А Анри Трошю вы встретили только после ее смерти?
- Он остановил меня на улице, спросил, тот ли я самый человек, кто встречался с его сестрой. Вид у него был такой, что он вот-вот полезет драться. Я обстоятельно объяснил ему все, и он успокоился.

- Вы встречались с ним еще раз?
- Да, вчера вечером.
- Зачем?
- Просто мы встретились, случайно...
- Он зол на ваших родных?
- Особенно на Валентину.
- По какой причине?
- Это уж его дело. Полагаю, что вы сможете его допросить, как допрашиваете меня. Чарли!
- Мегрэ вдруг понял, на кого с таким старанием пытался походить Тео: на герцога Виндзорского!
- Еще два-три вопроса, поскольку вы уж так любезны. Когда-нибудь вам приходилось встречаться с Розой в "Гнездышке"?
- Никогда.
- А ждате где-нибудь поблизости от дома Валентины?
- Она сама сюда приходила.
- Случалось ли ей бывать пьяной в вашем обществе?
- Она сильно пьянела после одной-двух рюмок.
- Она не высказывала желаний умереть?
- Смерти она боялась панически. В автомобиле она всегда умоляла меня сбавить скорость.
- Любила ли она вашу мачеху? Была ли ей предана?
- Не думаю, чтобы две женщины, живя вместе и встречаясь с утра до вечера, могли любить друг друга.

- Вы полагаете, что в конце концов они неизбежно начали друг друга ненавидеть?

- Этого слова я не произносил.

- Кстати, - снова вмешался Шарль Бессон, - я вспомнил, что должен зайти к Валентине. Было бы просто невежливо приехать в Этрета и не узнать, как у нее дела. Вы не поедете со мной, господин комиссар?

- Нет, спасибо.

- Вы останетесь с братом?

- Я побуду здесь еще какое-то время.

- Вам я больше не понадоблюсь сегодня? Завтра я поеду в Дьепп на похороны. Кстати, Тео, у меня умерла теща.

- Поздравляю.

Шарль выскочил из комнаты красный как рак, и трудно было бы сказать, что тому причиной: выпитые ли аперитивы или поведение брата.

- Идиот! - пробормотал Тео сквозь зубы. - Значит, это он заставил вас приехать сюда из Парижа?

Он пожал плечами, протянул руку к игральным костям, словно давая понять, что сказать ему больше нечего. Мегрэ вынул бумажник из кармана, повернулся к Чарли, но Тео пробормотал тому:

- Запиши на мой счет.

Выйдя из казино, Мегрэ увидел машину Кастэна, а возле отеля и самого инспектора, который дожидался его.

- Вы не торопитесь? - спросил Кастэн. - Может, выпьем по рюмочке?

- Вот уж чего мне не хочется. Кажется, я проглотил только что три аперитива подряд. И мне бы хотелось скорее сесть за стол.

Комиссар чувствовал, что его разморило. Все это дело вдруг представилось ему в комическом свете, даже Кастэн с его серьезным и деловитым видом показался уморительным типом.

- Мне кажется, вам стоило бы прокатиться в Ипор, - заговорил инспектор. - Уже пять лет я здесь работаю и думал, что знаю нормандцев. Но совладать с этой семейкой мне оказалось не по плечу.

- Что они говорят?

- Ничего. Ни да ни нет. Разглядывают тебя исподлобья, сесть не предлагают и словно ждут, пока ты уберешься восвояси. То и дело переглядываются, будто говорят друг другу: "Так будем с ним разговаривать?" - "Решай сам!" - "Нет, ты решай!" Потом мать пробурчит какую-то фразу, вроде бы ничего не значащую, но, видимо, полную скрытого смысла.

- Что же она говорит?

- Вот, например, такое: "Все эти люди - одна шайка, никто из них и слова не проронит".

- А еще что?

- "У них, конечно, были причины, по каким они не пускали сюда нашу дочь".

- Роза их не навещала?

- Насколько я понял, редко. Хотя из их слов можно сделать любые выводы. Впечатление такое, что слова у них имеют совсем другой смысл, чем обычно. Можно было понять лишь одно: мы с вами явились сюда не для того, чтобы установить истину, а чтобы избавить "тех людей" от неприятностей.

Они, кажется, не верят, что Роза погибла по ошибке, - продолжал инспектор. - Послушать их, так это в нее, а не в Валентину метил убийца... Отец, вернувшись, все же предложил мне стакан

сидра; он, правда, долго колебался, но, как-никак, я был в его доме. Был там и его сын - в море он уходил только в ночь. Но со мной он не чокнулся.

- Это старший, Анри?

- Да. Сам он не проронил ни слова да и им делал знаки, чтобы они молчали. Если бы я повстречал папашу в одном из кабачков Фекана, да навеселе, возможно, он рассказал бы мне больше... А что удалось сделать вам?

- Я поговорил с обоими Бессонами. Сначала с Шарлем, затем с Тео.

Они сели за стол. Перед ними стояла бутылка белого вина, и инспектор наполнил оба стакана. Мегрэ не ограничивал себя, и, когда они вышли на улицу, ему мучительно захотелось поспать после обеда, широко распахнув окна на море.

Его удержало вдруг возникшее чувство стыда. Это тоже было наследием детства - сознание долга, которое он сам добровольно доводил до крайности. Ему все казалось, что он мало делает для того, чтобы отработать свой хлеб. Это настолько укоренилось в нем, что, даже будучи в отпуске - что случалось далеко не каждый год, и пример тому нынешний, - он не переставал испытывать какое-то ощущение вины.

- Чем мне заняться? - спросил Кастэн, заметив, что комиссар сонлив и нерешителен.

- Чем тебе угодно, малыш. Ищи. Не знаю уж, где.

Может, тебе удастся повидать доктора?

- Доктора Жолли?

- Да. И других людей! Не важно кого. Наугад. Престарелая мадемуазель Серэ, должно быть, любит поболтать и томится в одиночестве.

- Подвезти вас куда-нибудь?

- Нет, спасибо.

Он знал, что подобное состояние находило на него каждый раз, когда он вел следствие. И случайно ли или же тут работал инстинкт, но каждый раз ему доводилось именно в это время выпивать лишку. В общем, это бывало тогда, когда материал следствия "начинал бродить".

Поначалу ему были известны одни сухие факты, которые приводились в полицейских рапортах. Потом он попадал в среду людей, которых прежде в глаза не видал и еще накануне ничего не знал о них. И он разглядывал их так, как рассматривают фотографии в альбомах.

С ними нужно было знакомиться возможно скорее, задавать вопросы, верить или не верить ответам, избегать слишком поспешных выводов. В этот начальный период люди и вещи виделись недостаточно отчетливо, как бы в отдалении, и казались поэтому безликими, лишенными индивидуальности.

И вот в какой-то момент, как будто без всякой причины, все это начинало "бродить". Персонажи становились менее расплывчатыми, более земными и совсем не простыми. Тут уж приходилось держать ухо востро.

Словом, он начинал видеть их изнутри, пока еще на ощупь, неуверенно, и все же создавалось впечатление, что еще одно усилие, совсем небольшое, - и все прояснится, и истина раскроется сама по себе...

Сунув руки в карманы, с трубкой в зубах, он медленно шел по знакомой уже пыльной дороге. Вдруг пустяковая мелочь привлекла его внимание. Совсем незначительная, но, возможно, и немаловажная.

В Париже он привык, что на каждом перекрестке к твоим услугам какие-либо средства сообщения. А каково расстояние от "Гнездышка" до центра Этрета?

Примерно километр. У Валентины нет телефона. Нет и автомобиля. Видимо, на велосипеде она уже не ездит.

Стало быть, пожилой женщине приходится совершать целое путешествие, чтобы встретиться с людьми; вероятно, бывали времена, когда она подолгу ни с кем не виделась. Ближайшая ее соседка - одна из сестер Серэ, которой около девяноста лет, она, несомненно, уже не поднимается со своего кресла.

Интересно, Валентина сама ходила за покупками?

Или поручала это Розе?

В зелени живых оград чернели крупные ягоды ежевики, но он не остановился, чтобы сорвать их, не остановился он и для того, чтобы срезать себе тросточку.

Увы, не тот возраст! Но ему было приятно думать об этом. Он думал также о Шарле, о его брате Тео, пообещал себе выпить стаканчик сидра у Трошо. Интересно, предложат ли они ему этот стаканчик?

Он толкнул зеленую калитку, вдохнул в себя сложный запах цветов и растений в саду, услышал ритмичное поскребывание и на повороте тропинки увидел старика, который окапывал кусты роз. Это был, очевидно, Эдгар, садовник, приходивший к Валентине три раза в неделю; его нанимала также и мадемуазель Серэ.

Человек распрямился, стараясь рассмотреть вошедшего, поднес руку ко лбу, и нельзя было понять, приветствие ли это или он просто прикрыл рукой глаза от солнца.

Это был настоящий садовник, "как на картинках".

Почти горбатый оттого, что всегда нагибался к земле, с маленькими сверлящими глазами, похожий на зверька, высунувшего мордочку из норы.

Он ничего не сказал, проводил взглядом Мегрэ и лишь когда услышал, как отворилась дверь, вновь принялся монотонно скрести лопатой.

Дверь на этот раз открыла не мадам Леруа, а сама Валентина. Она вышла ему навстречу с таким видом, словно они старые, очень давние знакомые.

- Ко мне сегодня приходили, - объявила она оживленно. - Шарль навестил меня. Его, кажется, расстроил холодный прием, оказанный вам его братом.

- Он рассказывал вам о нашем разговоре?

- О каком разговоре? Пойдите-ка. Он говорил мне главным образом о мадам Монте, которая умерла. Это изменит его положение. Теперь он богат, богаче, чем когда-либо, ведь у старой карги было более шестидесяти собственных домов, не считая ценных бумаг и наверняка припрятанных мешков с золотыми монетами.

Что вы выпьете, господин комиссар?

- Стакан воды, самой холодной.

- При том лишь условии, что запьете его еще чем-нибудь, хоть капельку. Сделайте это ради меня. Я никогда не пью одна. Это было бы ужасно, не правда ли?

Представьте себе старую женщину, которая в одиночестве распивает кальвадос. Но когда приходит кто-нибудь, признаюсь, я бываю рада случаю пригубить рюмочку.

Что ж, будь что будет! Чувствовал он себя отлично.

В маленькой комнате было, правда, немного жарко, солнечные лучи грели плечо. Валентина, указав ему кресло, хлопотала вокруг него, она была оживленна и подвижна, и почти мальчишеский огонек светился в ее глазах.

- Шарль ни о чем другом вам не рассказывал?

- О чем именно?

- О своем брате, например?

- Он просто сказал мне, что не понимает, почему Тео решил предстать перед вами в дурном свете. И добавил, что, вероятно, он сделал это нарочно. Шарль был огорчен. Он просто обожает Тео, к тому же у него чрезвычайно развиты родственные чувства. Могу держать пари, что вам он не сказал обо мне ничего плохого.

- Совершенно верно.

- А кто же тогда?

Мегрэ не пробыл здесь и трех минут, и вот уже незаметно его самого подвергают допросу.

- Моя дочь, не так ли? - Однако произнесла она это с улыбкой. - Не опасайтесь выдать ее. Она и не пыталась скрыть от меня, что довела до вашего сведения свое мнение обо мне.

- Мне кажется, ваша дочь не очень счастлива?

- А вы полагаете, что у нее есть желание быть счастливой? - Она улыбнулась, глядя в стакан, улыбался и Мегрэ. - Не знаю, часто ли вам приходилось иметь дело с женщинами. Роза, например, чувствовала себя глубоко несчастной, если у нее постоянно не было сложных проблем, которые она должна была разрешить. Это были философские проблемы, над которыми она вдруг принималась размышлять, и столь упорно, что едва отвечала мне, когда я к ней обращалась, и с грохотом мыла посуду, словно ей мешали найти ответ на вопрос, от которого зависели судьбы мира.

- Верно ли, что она перестала навещать своих родителей?

- Она редко бывала у них, потому что каждый раз там бывали скандалы.

- Из-за чего?

- Вы не догадываетесь? Она приходила к ним с этими своими проблемами, давала им советы, вычитанные из книг, и, естественно, с ней обходились как с дурочкой.

- У нее не было подружек?

- По той же самой причине. Это мешало ей встречаться и с местными парнями; они были для нее слишком неотесанными, слишком от сохи.

- Стало быть, помимо вас, она почти ни с кем не общалась?

- Она ходила за покупками, но, должно быть, и на улице не слишком охотно раскрывала рот. Впрочем, простите. Я забыла о докторе. Роза как-то нашла в моей библиотеке медицинскую книгу и читала ее время от времени, после чего засыпала меня мудреными вопросами.

"Признайтесь, вам ведь известно, что мне немного осталось жить?" - говорила она. "Ты больна, Роза?"

Она находила у себя то рак, то какую-нибудь другую, но обязательно редкую болезнь. Это переваривалось в ее голове несколько дней, затем она выпрашивала у меня свободный час и бежала к доктору. Возможно, это позволяло ей поговорить и о других ее проблемах - доктор Жолли внимательно выслушивал ее и никогда ей не противоречил.

- Вечера она проводила с вами?

- Ни разу она не оставалась со мной в гостинной.

Впрочем, мне бы это не понравилось. Вы, наверное, считаете меня старой привередой? Покончив с посудой, она сразу же поднималась к себе в комнату, не раздеваясь, плюхалась в постель с книгой и принималась курить сигареты. Ей наверняка не нравился вкус табака.

Курить она не умела... Дым ей ел глаза, ей приходилось то и дело закрывать их, но это входило в ее представление о поэтичности. Я чересчур зла? Не настолько, однако, как вам кажется. Когда я поднималась к себе, она входила с раскрасневшимся лицом, горящими глазами и ждала, пока я улягусь, чтобы подать мне лекарство.

"Не забудьте проветрить комнату, прежде чем ляжете спать".

Это была моя традиционная фраза, ибо дым из ее комнаты проникал из-под двери. Она отвечала: "Нет, мадам. Спокойной ночи, мадам". Затем раздевалась с таким шумом, словно там была рота солдат...

Мадам Леруа тоже громыхала на кухне, но, вероятно, делала это ради собственного удовольствия или чтобы продемонстрировать свою независимость. Она открыла дверь, рыбьими глазами глянула на Мегрэ и словно не заметила его.

- Ставить суп на огонь?
- Только не забудьте мозговую кость.

Когда мадам Леруа ушла, Валентина снова обернулась к комиссару:

- Итак, за исключением моего зятя Жюльена, вы повидали всех членов семьи. Они небезупречны, но, согласитесь, не так уж и плохи.

Он пытался припомнить, что говорила Арлетта о своей матери, но так и не смог.

- В конце концов я, подобно милому Шарлю, также поверю, что произошел всего лишь необъяснимый несчастный случай. Вы же видите, что я по-прежнему жива, и если кто-то и решил в одно прекрасное время - Бог знает почему? - покончить со мной, то, кажется, он отступился. Что вы думаете об этом?

Он совсем об этом не думал. Он смотрел на нее прищурившись: мешали солнечные лучи, струившиеся между ними. Едва заметная улыбка блуждала по ее губам - улыбка ханжи, сказала бы мадам Мегрэ. И он спрашивал себя, впрочем не придавая этому серьезного значения, словно играя: можно ли смутить такую женщину?

Он не спешил, давая ей возможность наговориться вволю, время от времени потягивал кальвадос из рюмки. Аромат фруктового напитка становился для него запахом этого дома, вместе с запахом хорошей кухни, мастики для натирки полов и чистоты.

Она, должно быть, не полагалась полностью на горничных по части уборки. И он представил себе, как по утрам, в ночном колпаке, она сама стирает пыль с многочисленных хрупких безделушек.

- Вы считаете, что у меня есть причуды? Может быть, подобно иным местным жителям, вы даже решили, что я выжившая из ума старуха? Со временем вы поймете меня. Когда приходит старость, перестаешь считаться с чужим мнением и делаешь то, что тебе действительно хочется.

- Вы не видели еще раз Тео?
- Нет. К чему?
- Вам известно, в какой гостинице он остановился?
- В воскресенье он как будто говорил, что снял комнату в "Английской".
- Нет, в "Приморской".
- А почему вы подумали, что он мог прийти ко мне снова?
- Не знаю. Он хорошо знал Розу?
- Тео?
- Да. Он несколько раз встречался с ней.
- Ну, едва ли часто. Она почти не выходила из дому.
- Вы ей не разрешали?
- Конечно же я ей не разрешала шляться вечерами по улице.
- И тем не менее она это делала. Сколько у нее было выходных дней?
- Два воскресенья в месяц. Помыв посуду после обеда, она уходила, и если уезжала к родителям, то возвращалась только в понедельник утром, с первым автобусом.

- Стало быть, в доме вы оставались одни?
- Я уже говорила вам, что мне не бывает страшно.
- Значит, вы утверждаете, что между ней и Тео что-то было?
- По его словам, она довольствовалась тем, что беседовала с ним о своих проблемах. - И не без умысла Мегрэ добавил:
- держа его за руку или склонив голову ему на плечо.
- Она залилась смехом, хохотала так искренне, что даже поперхнулась:
- Поскорее скажите мне, что это не правда!
- Это абсолютно точно. Более того, именно по этой причине Шарль не был слишком доволен своим братом сегодня.
- Тео при нем рассказывал вам об этом?
- Ему пришлось. Он понял, что мне все известно.
- А как вы об этом узнали?
- Прежде всего я встретил вчера Тео в компании с братом Розы.
- С Анри?
- Да. У них был долгий разговор в городском кафе.
- Откуда же он знает Тео?
- Это мне не известно. По его словам, Анри тоже кое-что знал и пришел к нему получить объяснения.
- Это слишком смешно! Если бы я слышала это не от вас... Видите ли, господин Мегрэ, нужно знать Тео, чтобы оценить по достоинству весь комизм того, что вы мне рассказываете. Он самый большой сноб на свете. И в этом едва ли не единственный смысл его существования. Он готов умереть от скуки, но пусть это будет избранное общество. Он пройдет сотни километров, лишь бы его увидели в компании какой-нибудь знаменитости.
- Я это знаю.
- И вдруг Тео прогуливается под ручку с Розой... Полноте! Есть одно небольшое обстоятельство, которого вы не знаете, о нем просто забыли упомянуть, рассказывая вам о моей горничной. Очень жаль, что родители забрали все ее вещи. Я показала бы вам ее платья, особенно шляпки. Вообразите самые необычайные цвета, которые меньше всего подходят друг другу. У Розы была пышная грудь. Когда она отправлялась куда-нибудь, она надевала такие узкие вещи, что едва могла дышать, хоть я ей и запрещала так одеваться. Она старалась не попадаться мне на глаза, но так намазывалась, делала это так неумело и грубо, что походила на тех девок, каких можно встретить на углу некоторых улиц в Париже. Тео - и она! Боже милостивый! - И она снова засмеялась, чуть более нервозно. - Куда же они ходили?
- Мне известно только, что они встретились на гулянье в местечке Вокотт и что им случилось выпить рюмку-другую в небольшом кафе в Этрета.
- Давно это было?
- Со стороны могло показаться, что комиссар дремлет.
- На самом деле он, чуть улыбаясь, наблюдал за Валентиной сквозь полуприкрытые веки.
- В последний раз они встретились в прошлую среду.
- Тео сам сказал вам об этом?
- Не совсем охотно, но все же сказал.
- Ну, теперь меня ничто не удивит! Я все же надеюсь, что он не приходил к ней на свидание в мой дом, влезая в окно, как любовник моей дочери?

- Он это отрицает.

- Тео!.. - повторила она, все еще не веря, затем поднялась, чтобы наполнить бокалы. - Я допускаю, что Анри - самый непримиримый в семье, пришел к Тео свести счеты! Но... - Ирония на ее лице сменилась серьезным выражением, потом вернулась снова беззаботная веселость. - Это был бы букет!.. Уже как будто два месяца, как Тео приехал в Этрета? Представьте себе... Нет! Это было бы чересчур уж экстравагантно...

- Вы допускаете, что он мог сделать ей ребенка?

- Нет! Извините меня. Это пришло мне в голову, но... А вы тоже подумали об этом?

- Да, как-то подумал.

- Впрочем, это все равно ничего бы не объяснило.

За стеклянной дверью на балконе появился садовник, он ждал, не двигаясь, уверенный, что его в конце концов заметят.

- Простите меня, я на минутку отлучусь, - сказала Валентина. - Я должна дать кое-какие распоряжения.

Он вдруг услышал тиканье часов, на которое раньше не обратил внимания. Стали различимы какие-то размеренные звуки, доносившиеся со второго этажа.

Это, должно быть, мурлыкала кошка, растянувшаяся на постели своей хозяйки, - потолки очень тонки у этого игрушечного домика.

Солнце вливалось в комнату, дробясь в оконном переплете на мелкие осколки, плясало на безделушках, посылало оттуда зайчиков, рисовало на лаке стола четкие контуры листа липы. Мадам Леруа производила на кухне такой грохот, словно передвигала там мебель.

В саду возобновилась работа скребка.

Мегрэ казалось, что он и не переставал слышать эти поскребывания. Однако, открыв глаза, он с удивлением увидел в метре от себя лицо Валентины.

Она поспешила улыбнуться ему, чтобы он не почувствовал себя неловко. Он же лишь пробормотал, еле разжимая рот:

- Кажется, я вздремнул.

Глава 7

ПРЕДСКАЗАНИЯ АЛЬМАНАХА

Когда Мегрэ прощался со старой дамой, они были в таком добром и веселом расположении духа, что им было бы впору похлопывать друг друга по плечу.

Но сохранила ли Валентина свою улыбку, когда за ним захлопнулась дверь? Или же, как это бывает после безудержных взрывов смеха, у нее резко изменилось настроение, когда она осталась наедине с молчаливой мадам Леруа?

Мегрэ был скорее озабочен; он слегка волочил ноги, направляясь в город, к дому доктора Жолли. Вдруг, словно из-под земли, вырос перед ним Кастэн, вернее говоря, инспектор выскочил из кабачка, где учредил наблюдательный пункт и уже долгое время ждал комиссара, играя в карты.

- Я был у доктора, патрон. Роза ничем не была больна. Ее распирало от здоровья. И все же она время от времени приходила к доктору, а тот, чтобы доставить ей удовольствие, прописывал безвредные лекарства...

- Какие же?..

- Гормоны, например. Она сама их требовала, потому что все время толковала о своих glandax.

Кастэн, шагая рядом с комиссаром, спросил удивленно:

- И вы идете туда?

- Мне нужно задать доктору только один вопрос.

Подожди меня.

Он обратился на "ты" к инспектору, хотя тот не работал в его отделе. Это тоже кое-что значило. Показался большой квадратный дом с увитыми плющом стенами, с садом, похожим на небольшой парк.

- Здесь он живет, - сказал Кастэн. - Но принимает больных во флигеле слева.

Флигель походил на ангар. Должно быть, здесь не обошлось без мадам Жолли, которая терпеть не могла больных и запаха лекарств, - вот она и выставила все это из своего дома.

- Постарайтесь, чтобы он узнал вас сразу, как откроется дверь, иначе придется ждать несколько часов.

Беленные известью стены. Вокруг на скамейках женщины, дети, старики. Не меньше двенадцати человек ждали очереди. Мальчишка с большой повязкой на голове, женщина в шали тщетно пытается утихомирить младенца, которого держит на руках. Все взгляды устремлены к двери в глубине, за которой слышатся голоса. Мегрэ повезло: дверь отворилась почти тотчас же, вышла толстая крестьянка. Доктор оглядел комнату и заметил комиссара:

- Входите, прошу вас. Извините, одну только минуту. - Он сосчитал пациентов, отделяя плевелы от зерен, потом указал на трех или четырех человек:

- Вас я сегодня не смогу принять. Приходите послезавтра в то же время. - И закрыл дверь. - Пройдемте в дом. Вы что-нибудь выпьете?

- У меня к вам только один вопрос.

- Но я очень рад видеть вас и не отпущу вас так быстро. - Он раскрыл боковую дверь и через сад повел комиссара к большому квадратному дому. - Жаль, что именно сегодня жена уехала в Гавр. Она была бы счастлива познакомиться с вами.

Дом был богатый, комфортабельный, немного сумрачный из-за больших деревьев в саду.

- У меня только что был инспектор, и я ему сказал, что Роза была абсолютно здорова и могла бы дожить до ста лет. Редко мне приходилось встречать такую здоровую семью, как эти Трошо. Вам самому надо бы видеть эту крепышку.

- Она не была беременной?

- Что за странный вопрос? Что угодно мог бы я думать, только не это. Она была у меня совсем недавно и ни о чем подобном даже не заикнулась. Месяца три назад я ее обследовал всесторонне и могу поклясться, что к тому времени она не жила еще половой жизнью. Что я могу вам предложить, господин комиссар?

- Благодарю, ничего. Я только что от Валентины и там был вынужден выпить больше, чем мне хотелось.

- Как она себя чувствует? Вот вам еще одна - завидное здоровье! Могла бы вполне обходиться без докторов.

Очаровательная женщина, вы не находите? Я знал ее еще до ее второго брака, даже до первого. Я и роды принимал у нее.

- Вы находите ее вполне нормальной?

- Вы имеете в виду ее разум? Вероятно, вы спрашиваете потому, что она выставляет напоказ свои причуды? Поосторожнее с такими людьми, комиссар. Как правило, это самые рассудительные головы. Она-то отлично знает, что делает! И всегда это знала. Она любит свой маленький мирок, свой домик, свой комфорт.

Можно ли упрекать ее в этом? Словом, я за нее не беспокоюсь.

- Ну а Роза?

Мегрэ не забывал о больных, которые ждали, - о женщине с младенцем на руках, о мальчике с забинтованной головой. Но доктор, видимо, не торопился. Он закурил сигару, поудобнее устроился в кресле, словно готовясь к длинному разговору.

- Во Франции тысячи таких девушек, как Роза. Из какой она семьи, вам известно. Вероятно, проучилась в деревенской школе года три, не больше. Потом случайно попала в другое окружение. Там с ней чересчур много разговаривали. Слишком много читала сама. Знаете, о чем она спросила меня как-то, придя ко мне на прием? Что я думаю о теории Фрейда! Она все приставала ко мне: в порядке ли у нее железы внутренней секреции. Да разве все упомнишь? Я делал вид, что принимаю ее всерьез. Выслушивал ее, прописывал лекарства, которые были безвредны, как вода.

- Бывала ли она печальной?

- Никогда. Напротив, она была веселого нрава, казалась беззаботной. Но временами она ударялась в эти свои размышления, как она это называла, и тогда вдруг становилась очень серьезной. Должно быть, у Валентины она откопала Достоевского и прочла всего - от корки до корки.

- Из лекарств, что вы прописывали ей, ни одно не содержало в себе мышьяка?

- Ни одно, будьте уверены.

- Благодарю вас, доктор.

- Вы уже уходите? Мне так хотелось, чтобы вы остались подольше.

- Наверное, я еще побываю у вас.

- Ну, если вы обещаете...

Доктор вздохнул с досадой: ему, видимо, не хотелось возвращаться к больным.

Кастэн ждал на улице.

- Что вы сейчас собираетесь делать?

- Съезжу в Ипор.

- Подбросить вас на моей "симке"?

- Нет, не надо. Позвони-ка лучше жене и предупреди ее, что ты сегодня можешь вернуться домой позже обычного. А то и вовсе ночевать дома не будешь.

- Она к этому привыкла. Как же вы туда доберетесь?

В это время автобусы уже не ходят. Не пешком же вы собираетесь идти.

- Я возьму такси.

- Если одно из двух такси свободно. Ведь здесь, в Этрета, всего два такси. Стоянка вон там, на углу улицы. А мне чем заняться это время?

- Поищи Тео Бессона.

- Ну, это не слишком трудно. Стоит только обойти кабачки. А потом?

- Это все. Последи за ним.

- Незаметно?

- Ничего не случится, если он тебя и заметит. Главное, не упускай его. Если он выедет из города на машине, у тебя есть твоя "симка". Поставь ее неподалеку от его авто. В этом случае черкни мне пару слов и оставь записку у меня в отеле. Не думаю, чтобы он мог далеко уехать.

- Если вы едете повидать семейство Трошю, желаю вам приятно провести время.

Солнце уже начало клониться к закату, когда Мегрэ выезжал из города на такси, шофер которого то и дело оборачивался к нему, чтобы поговорить. Комиссар, казалось, был в полудреме, лишь время от времени делал затяжку из своей трубки. Сельский пейзаж приобрел темно-зеленый оттенок, на фермах уже зажигались огоньки, в загонах мычали коровы.

Ипор оказался рыбацкой деревней, в которой, как и повсюду на побережье, было несколько каменных домов, где сдавались комнаты для приезжих. Шофер спросил, как ему проехать, - он не знал семьи Трошо. Наконец он остановился перед одноэтажным домом, на ограде которого сушились сети.

- Подождать вас? - спросил шофер.

- Да, пожалуйста.

В окне смутно обрисовалось чье-то лицо. Мегрэ постучал в дверь, из-за которой доносилось звяканье вилок, стало быть, семейство было за столом.

Дверь ему открыл Анри, рот у него был полон, и он молча смотрел на комиссара, не приглашая его войти.

В глубине комнаты горел огонь в очаге, над которым был подвешен объемистый котел. Рядом стояла печь, великолепная, почти новая печь, но можно было догадаться, что это предмет роскоши, которым пользуются лишь в редких случаях.

- Могу я поговорить с вашим отцом?

Старик тоже видел Мегрэ, но пока молчал. Их было пятеро или шестеро вокруг длинного стола без скатерти; перед ними дымились тарелки, а в центре стояло огромное блюдо - картошка и треска в сметане. Мать повернулась спиной к двери. Маленький русоволосый мальчонка вертел головой, стараясь увидеть пришельца.

- Впусти его, Анри, - проговорил наконец старик, с почти торжественной значительностью. Казалось, он говорил всему своему семейству: "Не пугайтесь: я здесь, и ничего с вами не случится".

Анри не сел на место, а остался стоять возле железной кровати, над которой висела лубочная картинка, изображавшая "Анжелюс" Милле.

- Вы, наверное, начальник того, кто уже был у нас?

- Я комиссар Мегрэ.

- Что вам еще от нас надо?

У него была выразительная голова моряка, какие любят художники-самоучки. Даже дома он не расставался со своей морской фуражкой. Он был одинаков в высоту и в ширину, и синий свитер подчеркивал его могучие плечи.

- Я пытаюсь установить, кто убил...

- Мою дочь! - закончил Трошо, как бы уточняя этим, что убили именно его дочь, а не чью-то еще.

- Совершенно верно. Очень сожалею, что вынужден был побеспокоить вас. Я не предполагал, что застану вас за столом.

- А в какое время едят суп у вас? Наверняка позже, как у людей, которые не поднимаются в половине пятого утра.

- Сделайте одолжение, продолжайте ужинать.

- Я уже поел.

Остальные продолжали есть молча, степенно, не переставая, однако, разглядывать Мегрэ, не пропуская мимо ушей ни одного слова отца.

Анри закурил сигарету, возможно, это было вызовом. Комиссар, которому все еще не предложили сесть, выглядел огромным в этой комнате с низким потолком, откуда свешивались домашние колбасы.

В комнате было две кровати, одна из них детская, через открытую дверь в другой комнате виделось еще три. Но рукомыльника не было - значит, все умывались на улице у колодца.

- Вы забрали вещи дочери?

- Это мое право, так ведь?

- Я вас не упрекаю. Просто моя задача облегчилась бы, если бы я знал, что было среди этих вещей.

Трошю обернулся к жене, и Мегрэ наконец увидел ее лицо. Она выглядела молодо для матери такой большой семьи, таких взрослых детей, как Роза и Анри. Она была худощава, одета в черное платье, на груди у нее висел медальон.

Родители переглядывались, дети заерзали на скамьях.

- Видите ли, мы уже их поделили.

- В доме уже не все ее вещи?

- Жанна, она работает в Гавре, увезла ее платья и белье, они ей впору. Вот туфли она не взяла, туфли ей малы.

- Теперь они мои! - заявила девочка лет четырнадцати, с крупными рыжими веснушками.

- Помолчи!

- Меня интересуют не столько вещи, сколько разные мелочи. Писем у нее не было?

На этот раз родители посмотрели на Анри, но тот, казалось, не слишком-то был расположен отвечать. Мегрэ повторил свой вопрос.

- Нет, - процедил Анри.

- Ни тетрадей, ни записей?

- Я нашел только альманах.

- Какой альманах?

Анри нехотя пошел в другую комнату. Мегрэ припоминал теперь, что в юности, когда он сам жил в деревне, ему приходилось видеть такие альманахи, плохо отпечатанные, на скверной бумаге, снабженные примитивными иллюстрациями. Его удивило, что такие издания еще существуют.

На каждый день месяца там было предсказание, например:

"17 августа. Меланхолия.

18 августа. Ничего не предпринимать. Не отправляться в дорогу.

19 августа. Утро будет радостным, но берегись вечера".

Мегрэ не улыбался, он с серьезным видом листал поданную ему книжицу, которую, однако, читали и перечитывали бесконечное число раз. Но ничего особенного он не обнаружил ни в сентябре, ни в конце августа.

- Других бумаг вы не находили?

Тут мать решила встать и в свою очередь взять слово. Чувствовалось, что вся семья стоит за нее горой, заранее аплодируя ее ответу на вопрос Мегрэ.

- Вы в самом деле думаете, что вам надо было приезжать именно сюда и задавать вопросы нам? Я хочу, чтобы мне в конце концов ответили: мою дочь убили или не мою? А раз это моя дочь, тогда, мне кажется, не нам следует докучать вопросами, а тем, кого пытаются оставить в покое!

Обстановка словно бы разрядилась. Четырнадцатилетняя девочка даже хлопнула в ладоши.

- И все это потому, что мы бедные люди, - продолжала мать, - и потому, что иные, которые изображают из себя...

- Могу вас заверить, мадам, что я допрашиваю одинаково и богатых и бедных.

- И тех, кто притворяется богачами? И тех, кто разыгрывает из себя знатных дам, хотя родом невеста из каких, намного похуже нашего?

Мегрэ не отвечал, полагая, что она будет говорить еще. И она продолжала, оглядываясь вокруг, словно набираясь храбрости:

- А знаете вы, кто она такая, эта женщина? Я сейчас вам все выложу. Когда моя бедная матушка вышла замуж, то парень, который стал ее мужем, долгое время был влюблен в другую. Эта другая была мать Валентины. Она жила по соседству с моей матерью, почти дверь в дверь. Ну так вот. Родители этого парня и слышать не захотели, чтобы он женился на этой девице. Я это говорю, чтобы вы поняли, что это была за девица...

Если Мегрэ хорошо понял, то мать Валентины была девицей, на которой приличные люди не женятся.

- И все же она вышла замуж, скажете вы? Да. Но она не сумела себе найти никого, кроме пропойцы, бездельника. Так вот эти двое и породили на свет вашу мадам!

Отец Трошю достал из кармана короткую трубку и набил ее табаком из кисета, сделанного из свиного пузыря.

- Я никогда не хотела, чтобы моя дочь работала у женщины, которая, может быть, даже хуже своей матери. Если бы меня послушали...

Взгляд, полный упрека в спину мужа. По всей видимости, именно он в свое время разрешил Розе пойти в горничные к Валентине.

- Она к тому же еще и дрянь! Не улыбайтесь. Я знаю, что говорю. Может, ей и удалось провести вас сладкими речами. Но я еще раз повторяю: она дрянь, всем она завидует, мою Розу всегда ненавидела.

- Почему же ваша дочь оставалась у нее?

- Я и сама не знаю. До сих пор не знаю. Ведь и Роза тоже не любила ее.

- Она вам это говорила?

- Ничего она мне не говорила. Она никогда не говорила о своих хозяевах. Последнее время она с нами почти не разговаривала. Мы не были для нее достаточно хороши. Вы понимаете? Вот что сделала эта женщина.

Она научила ее презирать своих родных, этого я ей никогда не прощу. А теперь, когда Роза умерла, та явилась на похороны покрасоваться, хотя место ей в тюрьме.

Трошю поглядел на жену с таким видом, словно собирался утихомирить ее.

- Во всяком случае, не здесь вы должны вести свои розыски! - заключила она с силой.

- Вы позволите мне сказать одно слово?

- Пусть скажет, - вмешался Анри.

- В полиции у нас нет волшебников. Как же мы найдем преступника, если нам не известно, почему было совершено преступление? - Он говорил спокойно, вежливо. - Ваша дочь была отравлена. Кем? Возможно, я узнаю, если мне удастся установить, почему она была отравлена.

- Я же толкую вам, что эта женщина ее ненавидела.

- Но этого недостаточно. Не забывайте, что убийство - преступление очень серьезное. Убийца ставит на карту свою жизнь и уж во всяком случае свободу.

- Пройдохи не многим рискуют.

- Думаю, ваш сын поймет меня, если я добавлю, что с вашей дочерью встречались и некоторые другие люди.

Анри, казалось, смутился.

- Возможно, есть и еще кто-нибудь, о котором мы не знаем. Вот почему я надеялся осмотреть ее вещи.

Среди них могли быть письма, адреса, какие-нибудь мелкие подарки.

При этих словах воцарилась тишина, все переглянулись. Они словно спрашивали друг друга. Наконец мать сказала все еще с некоторым недоверием, обращаясь к мужу:

- Ты покажешь ему кольцо?

Трошю как бы нехотя вытащил из кармана брюк большой старый кошелек со множеством отделений, которые закрывались на кнопки. Оттуда он извлек какой-то предмет, обернутый в шелковистую бумагу, и протянул его комиссару. Мегрэ увидел старинное кольцо с зеленым камнем в оправе.

- Я полагаю, у вашей дочери были и другие украшения?

- У Розы была полная коробочка всяких штучек, которые она покупала на рынке в Фекане. Их уже поделили. Остался только...

Не произнося ни слова, девочка метнулась в другую комнату и принесла серебряный браслет, украшенный синими камешками из фарфора.

- Это моя доля! - сказала она с гордостью.

Все эти колечки, сувениры от первого причастия, медальоны стоили гроши.

- Скажите, а это кольцо было вместе с другими?

- Нет.

Рыбак посмотрел на жену, которая все еще колебалась.

- Я нашел его в глубине башмака, - сказал он. - Кольцо было завернуто в кусок шелковистой бумаги.

Это были ее праздничные башмаки, она надевала их всего два раза.

Света из очага было недостаточно для того, чтобы оценить кольцо, да Мегрэ и не был знатоком драгоценных камней. Но было очевидно, что эта вещица совсем иного качества, чем те пустячки, о которых шла речь только что.

- Я и говорю, - произнес наконец Трошю, который слегка покраснел. - Эта штукавина беспокоила меня.

Вчера я был в Фекане и там показал кольцо ювелиру, у которого мы купили наши обручальные кольца. Я даже записал на бумажке название - это изумруд. Он объяснил, что камень стоит столько, сколько хорошая шхуна, и что, если я нашел это кольцо, лучше отнести его в полицию.

Мегрэ повернулся к Анри.

- Так, значит, из-за этого? - спросил он его.

Анри молча кивнул. Мать насторожилась:

- Что это вы скрытничаете? Вы уже встречались, что ли?

- Пожалуй, лучше объяснить вам кое-что. Я встретил вашего сына в компании с Тео Бессоном. Меня это удивило, но сейчас я понял. Ведь Тео два-три раза встречался с Розой.

- Это правда? - спросила мать у Анри.

- Правда.

- Ты знал об этом и ничего не сказал?

- Я встретился с ним, чтобы узнать, он ли дал сестре кольцо и, вообще, что было между ними.

- Что же он ответил?

- Он попросил меня показать ему кольцо. Я не мог это сделать, потому что оно было в кармане у отца.

Я описал ему, какое оно. Тогда я еще не знал, что это изумруд, но он сразу же произнес это слово.

- Так это он подарил ей?

- Нет. Он поклялся, что никогда не делал ей подарков. Он объяснил мне, что для него она была только товарищем, ему приятно было разговаривать с ней, потому что она была умной.

- А ты поверил? Ты можешь верить тому, что говорят эти люди?

Анри взглянул на комиссара и продолжал:

- Он и сам пытается узнать правду о смерти Розы и говорил, что полиция все равно не сумеет дознаться. И еще он мне сказал, - у Анри дрогнули губы, - что это Валентина пригласила вас сюда и будто вы ей служите.

- Я никому не служу.

- Я только повторяю его слова.

- Ты уверен, Анри, что не он дал кольцо твоей сестре? - спросил отец.

- Мне показалось, что он говорит искренне. Он добавил, что сам он небогат, и если камень настоящий, то, даже продав свой автомобиль, не смог бы купить такое кольцо.

- Откуда же, по мнению Тео, взялось это кольцо? - спросил Мегрэ в свою очередь.

- Он этого не знает.

- Роза когда-нибудь ездила в Париж?

- Никогда в жизни там не была.

- И я не была, - добавила мать. - Я и не желаю туда ездить. Хватит с меня того, что иногда приходится бывать в Гавре.

- А в Гавре Роза бывала?

- Иногда ездила к сестре.

- Ив Дьеппе бывала?

- Не думаю. Зачем бы ей понадобилось ездить в Дьепп?

- Дело в том, - снова вмешалась мадам Трошо, - что последнее время мы почти ничего не знали о ней.

Когда она навещала нас, это было похоже на шторм - она поносила нас за все, что мы делаем, за то, как и что говорим. Да и сама говорила уже не так, как мы ее учили, а все какие-то непонятные слова...

- Была ли она привязана к Валентине?

- Вы хотите сказать: любила ли она ее? По-моему, она ее ненавидела. Я поняла это по некоторым словам, которые вырвались у Розы.

- Какие же это слова?

- Сейчас я уже не могу припомнить, но тогда они меня поразили.

- Почему же все-таки она продолжала у нее работать?

- Я сама спрашивала ее об этом. Она не отвечала.

Трошо решил наконец сделать тот жест, который инспектор Кастэн предвидел как заключение визита Мегрэ.

- Мы вас ничем не угостили. Может, выпьете стаканчик сидра? Я не предлагаю вам спиртного, ведь вы еще не ужинали.

Он вышел, чтобы налить сидра из бочки, вернулся с кувшином из голубой глины, наполненным до краев, достал из ящика полотенце и протер два стакана.

- Можете ли доверить мне это кольцо на два дня?

- Оно не наше. Я не считаю даже, что оно когда-нибудь принадлежало моей дочери. Но если вы его возьмете с собой, оставьте мне расписку.

Мегрэ написал расписку на краешке стола, который для него очистили. Он выпил сидра, который был не совсем еще готов, но отозвался о напитке самым лестным образом, - Трошо сам делал его каждую осень.

- Поверьте мне, - говорила мать, провожая комиссара до двери, - именно Розу и хотели убить. И если стараются заставить поверить в другое, значит, есть для этого важные причины.

- Надеюсь, мы скоро узнаем об этом.

- Вы думаете, что скоро?

- Возможно, даже быстрее, чем вы думаете.

Кольцо, завернутое в шелковистую бумагу, он сунул в жилетный карман. Бросил взгляд на детскую кроватку, в которой, наверное, спала еще маленькая Роза, заглянул в комнату, где она, став старше, укладывалась спать вместе с сестрами, на очаг, перед которым она, сидя на корточках, готовила суп.

Если он и не был больше врагом, он все же оставался чужаком: они смотрели, как он уходит, и в их молчании было еще много невысказанного. Только Анри провожал комиссара до машины.

- Вам нетрудно будет подвезти меня до Этрета?

- С удовольствием.

- Я только возьму фуражку и мешок.

Он слышал, как Анри объяснял своим:

- Я подъеду в машине комиссара. Из Этрета отправлюсь прямо в Фекан и там на судно.

Он вернулся, неся с собой мешок из парусины с рыбацкими принадлежностями. Машина тронулась. Обернувшись, Мегрэ успел еще заметить силуэты людей на фоне раскрытой двери.

- Вы думаете, он меня обманул? - спросил Анри, закуривая сигарету.

От его одежды в машине терпко запахло морем.

- Не знаю.

- Вы покажете ему кольцо?

- Возможно.

- Когда я встретился с ним в первый раз, я хотел разбить ему рожу.

- Я это понял. Меня только интересует, как ему удалось переубедить вас.

Анри задумался:

- Я этого тоже не понимаю. Он оказался не таким, каким я себе его представлял. И я уверен, что он не пытался переспать с моей сестрой.

- А другие пытались?

- Да, сын Бабефа, когда ей было семнадцать лет. Но, клянусь вам, он и на том свете об этом вспомнит.

- Роза когда-нибудь говорила, что хочет выйти замуж?

- За кого бы это?

Он, видимо, тоже был убежден, что в округе не было пары его сестре.

- Вы что-то хотели сказать мне?

- Нет.

- Зачем же поехали со мной?

- Не знаю. Мне захотелось еще раз увидеть его.

- Чтобы еще раз поговорить с ним о кольце?

- Об этом и вообще обо всем. Я не такой ученый человек, как вы, но я чувствую, что не все тут ясно.

- Вы надеетесь найти его в том самом кабачке, где я вас встречал?

- Или там, или еще где-нибудь. Я хотел бы выйти из машины раньше вас.

Он действительно вышел при самом въезде в город и удалился, закинув за спину мешок, едва пробормотав слова благодарности.

Мегрэ заехал сначала к себе в отель, где не оказалось для него никакой записки, потом отправился в бар казино, где работал Чарли.

- Не видел моего инспектора? - спросил Мегрэ.

- Он заходил после пяти. - Чарли глянул на часы, которые показывали девять, и добавил:

- Давно уже.

- А Тео Бессона?

- Они пришли и ушли один вслед за другим.

Мегрэ взглядом показал, что понял.

- Что-нибудь выпьете?

- Нет, спасибо.

Анри, видимо, зря приехал в Этрета, так как Мегрэ нашел Кастэна на посту перед "Приморской гостиницей".

- Он у себя?

- Четверть часа назад поднялся к себе в комнату.

Инспектор показал на свет в окне третьего этажа.

Глава 8

СВЕТ В САДУ

В этот вечер Кастэн не раз тайком поглядывал на Мегрэ, спрашивая себя, действительно ли комиссар знает, чего хочет. На самом ли деле Мегрэ - великий человек, которому стремятся подражать молодые полицейские инспектора? Или же он просто не в форме, во всяком случае сегодня, и дал увлечь себя событиями?

- Посидим где-нибудь, - предложил комиссар Кастэну, найдя инспектора у отеля, где тот вел наблюдение.

Добродетельные граждане, протестующие против количества питейных заведений, не сомневаются, что для того и существуют кабачки, чтобы оказывать услуги полиции. Случайно один из них находился в пятидесяти метрах от "Приморской гостиницы", и оттуда можно было наблюдать за окнами Тео.

Кастэн решил, что комиссар собирается поговорить с ним, дать какие-то распоряжения.

- Я бы выпил кофе с коньяком, - признался Мегрэ. - Сегодня что-то прохладно.

- Вы уже ужинали?

- По сути дела, нет.

- И не будете?

- Не сейчас.

Он не был пьян, хотя то здесь, то там немало выпил с утра. Вероятно, поэтому и выглядел таким разомлевшим.

- Может, Тео спит, - сказал он, поглядев в окно.

- На всякий случай, я еще понаблюдаю?

- Наблюдай, сынок. И если не будешь спускать глаз с дверей отеля, что намного важнее, чем окна, можешь оставаться здесь. Я же, кажется, отправлюсь сейчас пожелать доброй ночи Валентине.

Но он просидел еще добрых полчаса, не говоря ни слова, задумчиво глядя перед собой. Наконец поднялся, вздохнул и, сунув руки в карманы, с трубкой в зубах, вышел. Кастэн слышал, как стихали его шаги на безлюдной улице.

Без нескольких минут десять Мегрэ остановился у калитки "Гнездышка". Дорогу заливал месяц, окруженный широким сиянием. По пути ему никто не встретился. Ни собака не залаяла, ни кошка, выскочив из-под ног, не юркнула за ограду. Только где-то в болотце монотонно квакали лягушки.

Привстав на цыпочки, он попытался увидеть, горит ли свет еще у старой дамы. Ему показалось, что окна первого этажа освещены, и он вошел в калитку, которая не была заперта.

В саду было сыро, сильно пахло перегноем. Идя по тропинке, он цеплялся за ветви, и шелест их, вероятно, был слышен в доме.

Дойдя до мощеной площадки перед домом, он увидел освещенные окна гостиной и Валентину. Приподнявшись из кресла, она настороженно прислушалась, замерла на мгновение, потом подошла к стене и неожиданно погасила свет.

Как раз в этот момент он чихнул. Легкий скрип означал, что открыли одну из створок окна.

- Кто там?

- Это я, Мегрэ.

Раздался короткий нервный смешок, как будто смеявшийся чем-то напуган.

- Прошу прощения. Сейчас зажгу свет. - И добавила тише, словно разговаривая с собой:

- Что за напасть, где же выключатель? Ах да! Вот он...

Вероятно, она повернула сразу два выключателя, так как осветились снова не только окна салона, но зажглась и лампа в саду, почти над головой комиссара.

- Сейчас открою вам дверь.

Она была одета так, как он уже привык ее видеть. На круглом столике перед креслом, где он ее застал, были разложены карты для пасьянса.

Она суетливо хлопотала в своем опустевшем домике, ходила из комнаты в комнату, отпирала и запирала двери, гремела задвижками.

- Видите, не такая уж я храбрая, как утверждала: я забаррикадировалась. Я не ждала, что вы придете.

Ей не хотелось задавать ему вопросы, но она была явно заинтригована.

- Вы не торопитесь? Зайдите, присядьте. - И, заметив, что он посмотрел на карты:

- Чем-то ведь надо скрашивать одиночество. Что вам предложить?

- Видите ли, приехав в Этрета, я пью с утра до вечера. Ваш пасынок Шарль явился утром и угостил меня пикон-гренадином. К нам присоединился Тео, мы выпили и повторили. Затем я встретил инспектора, и мы зашли в кафе поболтать. Захожу к вам - и на столе автоматически

появляется бутылка кальвадоса. Доктор оказался не менее гостеприимным. Трошю потчевали меня сидром.

- Они хорошо встретили вас?

- Не так уж плохо.

- Узнали у них что-нибудь интересное?

- Может быть. Пока следствие не окончено, трудно различить, что интересно, а что нет. К вам кто-нибудь заходил после меня?

- Нет. Но я сама выходила из дому. Навещала старушку Серэ. Она ведь так стара, что все давно считают ее умершей и никто не бывает у нее. Она моя ближайшая соседка. Будь я помоложе, я могла бы перебираться к ней прямо через изгородь... Теперь, как видите, я одна. Мой драгун в юбке уже давно убрался восвояси.

Поначалу мне хотелось взять новую прислугу и поселить ее в доме, но теперь я задумываюсь, стоит ли, уж больно хорошо мне одной.

- Вам не бывает страшно?

- Это случается, вы могли только что убедиться сами. Услышав ваши шаги, я немного растерялась. Что бы я стала делать, ворвись ко мне бродяга? Как вы находите мой план? Сначала я гашу свет в доме, затем зажигаю лампочку в саду: меня не видно, я же вижу все.

- Мне кажется, это блестящий метод.

- Сейчас, правда, я забыла зажечь лампочку в саду.

Надо будет вспомнить о ней в следующий раз и сразу найти выключатель.

Он глянул ей на ноги, отметив, что на ней были ботинки, а не домашние туфли. Но позволяла ли она себе, даже оставаясь дома, носить домашние туфли не только в спальне?

- Все еще никаких новостей, господин Мегрэ?

Он сидел в кресле, которое стало для него как бы своим. Вечером комната выглядела уютнее, чем при дневном освещении: круги мягкого света под лампами, тени по углам. Кот на этот раз был внизу; спрыгнув с кресла, он тут же подошел к комиссару и, задрвав хвост, принялся тереться о его ноги.

- Вы не понимаете кошачий язык? - шутливо спросила она.

- Нет, а что?

- Он просит приласкать его. Вы тревожились за меня?

- Я хотел убедиться, что здесь все в порядке.

- Вы все еще не убедились? Надеюсь, вы не обрели какого-нибудь несчастного инспектора на то, чтобы он всю ночь проторчал на дороге, охраняя меня. В таком случае меня следовало предупредить, я поставила бы в кухне раскладушку.

Она была очень оживленна, в глазах у нее поблескивали озорные огоньки. Принеся графин, она налила ему, наполнила до краев и свою рюмку.

- Ваша жена довольна вашей профессией?

- У нее было достаточно времени, чтобы привыкнуть к ней.

Он откинулся на спинку кресла, набил трубку, глянул на бронзовые стенные часы с двумя толстощековыми амурами по бокам.

- Часто вы раскладываете пасьянс?

- Вы ведь знаете, что для одиноких людей других игр почти нет.

- Роза не играла с вами?

- Я пыталась обучить ее игре в белот {карточная игра, распространенная во Франции}, но безуспешно...

Должно быть, Валентина терялась в догадках, что привело его сюда. Временами он, казалось, клевал носом, и она опасалась, что он совсем уснет в кресле, как это случилось с ним после обеда.

- Пойду-ка, пожалуй, к себе в отель и лягу в кровать, - произнес он со вздохом.

- Может, еще одну рюмку, последнюю?

- А вы со мной выпьете?

- Да.

- Тогда согласен. Дорогу я теперь знаю и не боюсь заблудиться. Наверное, и вы скоро отправитесь спать?

- Да, через полчаса.

- Примете снотворное?

- Нет. Я не купила. Теперь меня это немного страшит.

- Но вы все-таки спите?

- В конце концов я, конечно, засну. Старым людям не нужен долгий сон.

- Значит, до завтра.

- До завтра.

Опять он, пробираясь через сад, задевал за ветки; чуть слышно скрипнула калитка. Постоял еще немного у обочины дороги, поглядел на край крыши и трубу, которые в бледном свете луны четко выделялись на фоне зелени. Потом поднял воротник пиджака - стало холодно и сыро - и, широко шагая, направился к городу.

Обойдя открытые еще кабачки - внутрь он не заходил, только наскоро оглядывал посетителей, - он удивился, что не повстречал Анри. Тот, видимо, еще разыскивал Тео.

Знал ли Анри, что Тео вернулся к себе в отель? Осведомлялся ли сам о нем у портье? А может быть, он уехал не солоно хлебавши? Мегрэ не знал, в котором часу отчаливает из феканского порта его судно, отправляясь на две недели промыслять рыбу в Северном море.

Он зашел на минуту в бар казино, там никого не было, только Чарли подсчитывал выручку.

- Вы не видели здесь рыбака?

- Сына Трошю? Заходил час назад и был уже сильно под мухой.

- Он ничего не говорил?

- Мне - нет. Но сам с собой разговаривал и чуть было не забыл свой мешок. Забрасывая его за спину, он все смахнул со стойки и разбил два стакана.

Кастэн все еще торчал на улице, наверное, чтобы не заснуть. Окна Тео были по-прежнему освещены.

- Вам попался брат Розы, господин комиссар? Он только что прошел здесь, выписывая ногами кренделя.

- А в отель он заходил?

- Думаю, что он даже не заметил, что тут стоит отель.

- Он разговаривал с тобой?

- Нет, я прижался к стене.

- В какую сторону он направился?

- Он спустился по улице, потом свернул направо, должно быть, потому, что направо вел тротуар. Что будем делать дальше?

- Ничего.

- Мне оставаться здесь?
- Почему бы и нет?
- Вы полагаете, что Тео все же выйдет?
- Не знаю. Может быть.

И тут, уже во второй раз, Кастэна охватило сомнение: не слишком ли преувеличена слава комиссара? Во всяком случае, ему не следовало пить.

- Пойди-ка и узнай в отеле: спрашивал о нем кто-нибудь или поднимался к нему?

Через некоторое время Кастэн вернулся, ответ был отрицательным.

- Ты уверен, что в кабачке, когда ты следил за Тео, с ним никто не разговаривал и сам он ни к кому не обращался?

- Разве что к кабатчикам - заказать очередную порцию. Он ведь знал, что я следую за ним по пятам. Время от времени он даже нерешительно поглядывал на меня, может быть, считал, что проще было нам пить вместе.

- Писем ему не передавали?

- Ничего похожего я не заметил. Вам не кажется, что вам следовало съесть хотя бы сэндвич?

Мегрэ, казалось, не расслышал. Вынув трубку из кармана, он не торопясь набил ее. Ореол вокруг месяца все увеличивался, и видно было, как нечто вроде дымки, ползущей с моря, затягивает понемногу улицы.

Пока это был не настоящий туман - сирена не начала еще завывать.

- Через неделю здесь, кроме местных, никого не останется, - заговорил Кастэн. - Прислуга из гостиниц отправится на юг, там начинается новый сезон, приезжают новые клиенты.

- Сколько на твоих часах?

- Без двадцати одиннадцать.

Что-то, должно быть, насторожило Мегрэ; помолчав немного, он вдруг заявил:

- Я оставлю тебя на минутку. Зайду к себе в отель.

Позвоню.

Он позвонил из будки в Фекан, на квартиру Шарлю Бессону.

- Говорит Мегрэ. Простите за беспокойство, вы еще не легли?

- Нет. У вас новости? Вот теперь жена у меня заболела бронхитом и все же хочет ехать завтра на похороны.

- Скажите, господин Бессон, у вашей жены было когда-нибудь кольцо с большим изумрудом?

- С чем?

Мегрэ повторил.

- Нет.

- А вы когда-нибудь видели такое кольцо у своих близких? У Арлетты, например?

- Как будто бы нет.

- Благодарю вас.

- Алло! Господин Мегрэ...

- Да.

- Что это за история с кольцом? Вы что, нашли такое?

- Еще не знаю. Мы поговорим об этом на днях.

- Там все в порядке?

- Сейчас все спокойно.

Мегрэ повесил трубку, подумал немного, потом заказал номер парижского телефона Арлетты. Его соединили сразу, быстрее, чем с Шарлем. Ответил мужчина, это был первый контакт комиссара с Жюльеном.

- Жюльен Сюдр слушает, - спокойно произнес довольно низкий голос. - Кто говорит?

- Комиссар Мегрэ. Я хочу поговорить с мадам Сюдр.

Он услышал, как тот же голос пробасил:

- Это тебя. Комиссар.

- Алло! Какие-нибудь новости?

- Нет, как будто. Пока что нет. Я хотел бы задать вам один только вопрос. У вас никогда не крали драгоценностей?

- Почему вы спрашиваете меня об этом?

- Отвечайте.

- Нет. Как будто нет.

- У вас их много?

- Кое-что есть. Подарки мужа.

- У вас когда-нибудь было кольцо с изумрудом солидного размера?

Короткое молчание.

- Нет.

- Вы не припоминаете такое кольцо?

- Нет, не припоминаю.

- Благодарю вас.

- Вы больше ничего не хотите сказать мне?

- Сегодня ничего.

Ей не хотелось, чтобы он вешал трубку. Чувствовалось, что она ждала, чтобы он продолжал разговор. Возможно, ей самой было что сказать, но она не решалась при муже.

- Ничего неприятного? - только и спросила она.

- Ничего. Спокойной ночи. Я думаю, вы сейчас оба ляжете спать.

Подумав, что он говорит это иронически, она сухо ответила:

- Да. Спокойной ночи.

Кроме ночного дежурного, в холле никого не было.

В глубине стояло кресло, в котором он увидел Арлетту, когда она пришла к нему в первый вечер. Тогда он еще не был знаком с ней.

Он пожалел, что не захватил с собой из Парижа пальто, чуть было не позвонил мадам Мегрэ, чтобы пожелать ей доброй ночи, пожал плечами и отправился к Кастэну, который с мрачным видом стоял на своем наблюдательном пункте. И в этом отеле холл был безлюден. Почти все окна, за исключением двух-трех, были темны. Потух свет еще в одном окне, но не у Тео.

- Что бы он мог там делать? - пробурчал Кастэн. - Наверняка читает лежа в постели. Если вообще не заснул, забыв погасить свет.

- Который час?

- Полночь.

- Ты твердо уверен, что никто...

И тут инспектор хлопнул себя по лбу, чертыхнулся и прорычал:

- Ну и идиот же я! Я забыл сказать вам...

- Что ты забыл сказать?

- С ним никто не разговаривал в кабачках, это верно.

Ему никто не передавал писем. Но когда мы были в баре на почте - во втором баре, куда он зашел, - хозяин сказал ему через какое-то время: "Вас просят к телефону".

- В котором часу это было?

- Чуть позже восьми.

- Хозяин не назвал по имени, кто звал его?

- Нет. Тео вошел в будку. Я наблюдал за ним сквозь стекло. Он не говорил. Он только слушал и время от времени произносил: "Да... да..."

- И все?

- Как это могло выскочить у меня из головы! Надеюсь, это не слишком серьезно, патрон?

- Мы это узнаем. Какое у него было выражение лица, когда он вышел из будки?

- Точно не могу сказать. Вроде бы его что-то удивило. Или заинтриговало. Но он не был обозлен.

- Пойдем. Подождешь меня в холле.

- Какую комнату занимает господин Бессон? - спросил комиссар у портье.

- Двадцать девятую на третьем этаже. Он, наверное, спит. Он просил его не беспокоить.

Мегрэ, ничего не объясняя, стал подниматься по лестнице, остановился на мгновение отдышаться и вскоре очутился перед белой дверью с медными цифрами на ней: "29". Постучал, ему не ответили. Постучал сильнее, настойчивее, склонился над лестничным пролетом.

- Кастэн!

- Я здесь, патрон.

- Спроси служебный ключ. У них должен быть ключ, открывающий все двери в отеле.

Это заняло какое-то время. Мегрэ выколотил трубку на ковер рядом с большой фаянсовой урной, заполненной песком и окурками.

Портье шел впереди, видимо сильно раздосадованный.

- Только на вашу ответственность. Завтра вам придется объясняться с хозяином. Полиция или не полиция, все равно: так не положено.

Он выбрал ключи из большой связки, висевшей на цепи, но, прежде чем отпереть, осторожно постучал и приложил ухо к двери.

Наконец они вошли в комнату, которая оказалась пустой. Постель стояла нетронутой. Мегрэ открыл стенной шкаф, увидел там темно-синий костюм, черные туфли и габардиновый плащ. Бритва и зубная щетка были в ванной.

- Разве этот господин не имеет права отлучиться?

- Скажите, автомобиль его в гараже?

- Это легко проверить.

Они спустились в холл. Вместо того чтобы направиться к парадному входу, они пошли по коридору, спустились еще по нескольким ступенькам, и Мегрэ заметил выходящую прямо в гараж небольшую дверь, которая оказалась незапертой. Ворота, выходящие на безлюдную площадь, тоже были открыты.

- Вот его машина.

Кастэн походил на провинившегося школяра, который мнетя, теряясь в догадках: какое наказание он получит за совершенную проделку?

- Куда мы направимся? - спросил он наконец.

- Где твоя машина?

- Напротив вашего отеля.

Это было совсем рядом. Когда они уже усаживались в машину, ночной дежурный выскочил из дверей отеля:

- Господин Мегрэ! Господин Мегрэ! Вас только что спрашивали по телефону.

- Кто?

- Не знаю.

- Женщина?

- Нет, мужской голос. Вас просят сейчас же заехать к старой даме. Вы как будто должны понять, в чем дело.

Через несколько минут они были у "Гнездышка". Но перед калиткой уже стояла какая-то машина.

- Машина доктора, - сказал Кастэн.

Даже возле самого дома не слышно было голосов. Все окна были освещены, верхний этаж тоже. Дверь им открыл невозмутимый Тео Бессон. Комиссар с удивлением посмотрел на него:

- Кто здесь ранен?

Ноздри Мегрэ раздулись. В гостиной пахло пороховыми газами. На круглом столике, где были еще разбросаны карты, лежал большой револьвер армейского образца.

Он быстро прошел в комнату для приезжих, услышав там какое-то движение. В дверях чуть было не опрокинул Валентину, державшую в руках окровавленные простыни. Она посмотрела на него блуждающим взглядом.

На кровати, которую занимала Арлетта, лежал мужчина, обнаженный по пояс. Спина склонившегося доктора Жолли скрывала его лицо, но Мегрэ уже узнал брюки из грубой синей ткани.

- Мертв? - спросил он.

Доктор вздрогнул, обернулся и с видимым облегчением распрямился.

- Я сделал все, что мог, - прошептал он.

На ночном столике лежал шприц. Раскрытая сумка доктора валялась на полу. Повсюду виднелась кровь.

Мегрэ отметил, что следы ее вели в гостиную и дальше, в сад.

- Как только Валентина мне позвонила, я сразу же приехал, но было уже поздно. Надо же было - пуля угодила прямо в аорту! Даже переливание крови, если бы его сделать вовремя, оказалось бы бесполезным.

- Это вы звонили мне в отель?

- Да, она просила меня сообщить вам.

Валентина стояла перед ними в проеме двери, руки и платье были у нее испачканы кровью.

- Какой ужас! - сказала она. - Когда вы были у меня вечером, мне и в голову не приходило, что такое может случиться. И все потому, что я и на этот раз забыла повернуть второй выключатель и зажечь свет в саду...

Мегрэ не обернулся к ней. Тяжело вздохнув, он еще раз посмотрел на лицо Анри Трошю, погибшего вслед за сестрой. В эту минуту он думал уже о том, что он скажет его родным.

- Я вам сейчас все объясню, - снова заговорила Валентина.

- Я все знаю.

- Вы не можете этого знать. Я уже поднялась к себе... Я уже лежала в постели...

Он впервые видел ее небрежно одетой. В волосах у нее были бигуди, из-под наспех надетого платья выглядывала ночная рубашка.

- Мне казалось, что я наконец заснула. Вдруг кот вспрыгнул ко мне на кровать. Он разбудил меня. Я прислушалась. Из сада доносился шум, такой же, как производили вы, когда пришли вечером.

- Где был револьвер?

- В ночном столике. Это револьвер моего мужа. Он приучил меня всегда иметь при себе оружие. Кажется, я говорила вам об этом.

- Нет. Но это не важно.

- Сначала я выглянула в окно, но было слишком темно. Я накинула платье и спустилась.

- Не зажигая свет?

- Да. Я ничего не видела, но слышала, как кто-то пытается открыть дверь. Я спросила: "Кто там?" Мне не ответили.

- И вы тотчас же выстрелили?

- Я не помню. Должно быть, я переспросила несколько раз. Но там продолжали возиться с замком. Я выстрелила сквозь стекло. Услышала, как человек упал. Но я еще какое-то время не двигалась, не решаясь выйти.

- Вы не знали, кто это был?

- Понятия не имела. Тут я спохватилась, что нужно зажечь свет снаружи. Сквозь разбитое стекло я увидела тело, а рядом - большой сверток. Сначала я подумала, что это бродяга. Наконец я вышла через кухонную дверь и, только подойдя ближе, узнала Анри.

- Он был еще жив?

- Не знаю. Я побежала к мадемуазель Серэ, все еще с револьвером в руке. Я крикнула, чтобы она поднялась, что мне надо срочно позвонить по телефону, и она наконец открыла мне. Я позвонила доктору Жолли и попросила его предупредить вас или же захватить вас по дороге.

- А Тео?

- Я встретила его у моей двери, когда возвращалась.

- Вернулись вы одна?

- Нет. Я дождалась на дороге доктора.

Доктор прикрыл краем простыни лицо убитого и, держа перед собой окровавленные руки, направился в ванную комнату.

У тела остались Валентина и Мегрэ. Они были одни в тесной комнате, где трудно было повернуться. Комиссар по-прежнему держал трубку в зубах.

- Что вам сказал Тео?

- Я уже не помню. Он ничего не сказал.

- Вы не были удивлены, увидев его здесь?

- Возможно. Я не знаю. Не забывайте, что я только что убила человека. Как вы думаете, почему Анри пытался залезть ко мне?

Не отвечая, он прошел в салон. Кастэн и Тео молча стояли там друг против друга. Инспектор, видимо, нервничал, на комиссара он посмотрел отчаянным взглядом:

- Это все из-за меня получилось, да?

- Я не уверен.

У Тео Бессона был скучающий вид человека, попавшего в двусмысленное положение.

- Вы, я полагаю, случайно оказались поблизости? - спросил Мегрэ.

Тео не ответил, он, казалось, извинял Мегрэ за столь грубо поставленный вопрос.

- Ну-ка, подойди сюда! - обратился Мегрэ к инспектору.

Он вывел Кастэна во двор. Они увидели кровь на мостовой и мешок рыбака, который все еще валялся там, где упал.

- Поезжай быстро в отель, где остановился Тео. Мне нужно знать, звонил ли кто ему вечером. Если тебе не смогут ответить, обойди бары, в которые заходил Анри.

- Они закрыты.

- Звони! Пусть откроют!

- А что мне спросить?

- Звонил ли Анри оттуда кому-либо.

Кастэн ничего не понимал, но ему хотелось бы по мере сил исправить свою оплошность. Он бросился к "симке", и шум ее мотора вскоре стих вдали.

Доктор Жолли и Валентина спустились из ванной.

Руки доктора были чисты и пахли мылом.

- Я тщетно уговариваю ее лечь, - заговорил он, - или позволить сделать укол. Она держится только на нервах. Ей кажется, что она в силах все это вынести.

Но через полчаса после того, как я уеду, она свалится.

Просто ума не приложу, как она могла это сделать.

- Я убила этого бедного парня, - пробормотала Валентина и поочередно поглядела на Мегрэ и на Тео, неподвижно и безмолвно стоявших в углу.

- Не можете ли вы повлиять на нее? - повернулся доктор к Мегрэ. - Она проспит крепко несколько часов, и к утру все будет в порядке.

- Не уверен, что это необходимо.

Жолли насупился, но возражать не стал и принялся искать свою шляпу.

- Вероятно, мне нужно позвонить в Гавр, как и в прошлое воскресенье, чтобы приехали за телом. Ведь потребуется вскрытие?

- Конечно.

- Что-нибудь нужно передать от вашего имени?

- Нет, спасибо.

Доктор поклонился старой даме; казалось, он вот-вот поцелует ей руку.

- Вы напрасно отказываетесь. На всякий случай я оставил в вашей комнате несколько таблеток. Принимать их надо через каждые два часа. - Он кивнул Тео и подошел к Мегрэ, не зная, что сказать. - Разумеется, я в полном вашем распоряжении, господин комиссар. Дайте мне знать, как только я вам понадоблюсь.

Он ушел. Воцарилось молчание. Когда стих шум мотора его машины, Валентина, словно очнувшись, открыла буфет и достала графин с кальвадосом. Она хотела было поставить его на стол, но Мегрэ вдруг грубо выхватил у нее из рук графин и грохнул об пол.

- А ну-ка, сядьте оба! - приказал он прерывающимся от гнева голосом.

Они повиновались машинально, видимо не понимая, что происходит. Мегрэ оставался стоять, заложив руки за спину, затем принялся расхаживать из угла в угол, как привык это делать у себя в кабинете на набережной Орфевр.

Машина Кастэна уже возвращалась. А вот сирена стала посылать свои зловещие призывы в ночную темноту, оповещая о тумане.

Глава 9

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТЕО

Слышно было, как Кастэн выключил мотор, вышел из машины, постоял какое-то время на дороге, прежде чем открыть калитку. Мегрэ все не произносил ни слова. Тео, сидевший в кресле, которое несколько часов назад занимал комиссар, пытался, несмотря ни на что, походить на герцога Виндзорского. Валентина смотрела то на одного, то на другого, взгляд ее метался, как у пойманного звереныша.

Кастэн прошел через сад, вошел в дом. Его поразило молчание, разбитый графин, он не знал, что делать, куда девать себя. Не побывав ни разу в сыскной полиции на набережной Орфевр, он не мог видеть Мегрэ в такой ситуации.

- Итак, сынок?

- Я дозвонился к хозяину отеля; он уже спал, но все же поговорил со мной. Оказывается, он сам ответил с коммутатора, когда вызывали Тео, и перевел разговор, но не к нему в комнату - в комнатах нет телефонов, - а на аппарат в коридоре. Это было примерно в половине одиннадцатого. Тот, кто звонил, был пьян.

- У тебя есть бумага и карандаш?

- У меня есть записная книжка.

- Садись сюда, за этот стол. Устройся поудобнее, это займет, наверное, немало времени. Записывай их ответы.

Мегрэ снова принялся рассказывать, старая дама по-прежнему следила за ним глазами, а Тео рассматривал носки своих ботинок.

Перед ним комиссар и остановился наконец и сказал уже не гневно, а с презрением в голосе:

- Вы ожидали, что Анри приедет вечером в Этрета?

- Нет.

- Если бы он не позвонил вам, вы все равно наведались бы в "Гнездышко"?

- Не знаю. Возможно.

- Где вы находились, когда произошло убийство? На дороге? В саду?

- В саду. У калитки.

Валентина подскочила на стуле. Она поняла, что, направляясь к престарелой мадемуазель Серэ позвонить доктору, прошла мимо своего пасынка.

- Вы были вполне довольны собой?

- Это - мое дело.

- Вы знали, что у нее есть револьвер?

- Я знал, что у нее остался револьвер моего отца.

Послушайте, господин комиссар, ответьте мне, что означает...

- Ну, нет! Вопросы здесь задаю я.

- А если я откажусь отвечать?

- Это абсолютно ничего не изменит. Разве что вынудит меня вlepить вам по физиономии, уже целых четверть часа у меня руки чешутся.

Несмотря на трагичность обстановки, несмотря на то, что в соседней комнате еще лежал мертвец, Валентина не смогла сдержать довольную, почти радостную улыбку.

- Когда вам стало известно?

- О чем вы говорите?

- Послушайте, Бессон. Советую вам не валять дурака. Когда вам стало известно, что драгоценности вашей мачехи никогда не продавались, что они подлинные, а не подделка, как это пытались всем внушить?

Валентина вздрогнула и оторопело уставилась на Мегрэ, в ее взгляде промелькнуло что-то вроде невольного восхищения; она заерзала в кресле, словно желая что-то сказать, но комиссар не обратил на нее никакого внимания.

- Я всегда это подозревал, - сказал Тео.

- Почему?

- Потому что я хорошо знал ее и своего отца.

- Вы хотите сказать, что она опасалась нищеты и что она не из тех женщин, которые заранее не принимают мер предосторожности.

- Да. А мой отец исполнял все ее прихоти.

- Их брак предусматривал совместное владение имуществом?

- Да.

- В какую сумму вы оцениваете стоимость драгоценностей?

- Примерно в несколько миллионов по нынешнему курсу. Но, помимо известных мне драгоценностей, должны быть еще и такие, о которых мы не знали. Отцу было неловко перед нами, что он так много тратил на нее.

- После его смерти, когда вам сообщили, что драгоценности давно проданы, вы делились своими сомнениями с братом или с Арлеттой?

- Нет.

- Почему?

- Я не был уверен.

- А не потому ли, что вы надеялись поладить с Валентиной?

Она ни звука не пропускала мимо ушей, следила за каждым жестом Мегрэ, за выражением лица Тео. Она отмечала для себя все значительно лучше Кастэна, выступавшего в роли стенографа-любителя.

- Я не стану отвечать на этот вопрос.

- Который недостоин вас - вы это хотите сказать?

Вы говорили на эту тему с вашей мачехой?

- Нет.

- Не потому ли, что считали ее хитрее вас и выжидали случая, чтобы получить доказательства? Как вам удалось их раздобыть? Когда?

- Я осведомился у друзей в ювелирном мире о некоторых драгоценностях, продажа которых не могла пройти незамеченной. Таким образом узнал, что они не поступали в продажу, во всяком случае, во Франции, а возможно, и в Европе.

- И вы терпеливо ждали пять лет?

- У меня было еще немного денег. Я удачно провел несколько коммерческих операций.

- А на этот год, когда ваши запасы подошли к концу, вы приехали провести каникулы в Этрета? И уж конечно не случайно познакомились с Розой и принялись потакать ее причудам?

Молчание. Валентина по-птичьей вытянула шею, и тут Мегрэ впервые увидел эту шею старухи, обычно прикрытую широкой черной бархатной лентой, украшенной жемчугом.

- А теперь хорошенько подумайте, прежде чем ответить. Знала ли Роза что-нибудь до встречи с вами или же она по вашему наущению стала обшаривать дом?

- Она шарила до знакомства со мной.
 - Зачем?
 - Из любопытства. А также потому, что ненавидела мою мачеху.
 - У нее были причины ненавидеть ее?
 - Она считала ее грубой и высокомерной. Обе они жили в доме, что называется, в состоянии войны и почти не скрывали этого друг от друга.
 - Роза подозревала о существовании драгоценностей?
 - Нет. Она просто просверлила штопором дыру в стене, разделяющей их комнаты.
- Валентина возмущенно привстала, словно собираясь тут же убедиться в неслыханной дерзости своей служанки.
- Когда это произошло?
 - Недели две назад, когда Валентина пила чай у мадемуазель Серэ.
 - Что же она увидела сквозь дыру?
 - Поначалу ничего. Но прошло несколько дней, и вечером, притворившись спящей и для верности даже захрапев, она бесшумно встала и увидела, как Валентина, стоя у кровати, открыла ящик с драгоценностями.
 - Роза никогда в него не заглядывала?
 - Все ящики и шкафы в доме запираются, а ключи Валентина держит при себе. Даже чтобы достать банку сардин, Роза должна была обращаться к ней.
 - Как же в таком случае она смогла завладеть кольцом?
 - Когда Валентина принимала ванну. Она не говорила мне об этом ничего заранее. Видимо, она очень тщательно все подготовила, рассчитала по минутам.
 - Вы видели кольцо?
 - Да.
 - Что Роза собиралась с ним делать?
 - Ничего. Она не смогла носить его, не выдав себя.
- Скорее всего, это было нечто вроде мести.
- Вы не подумали, что мачеха может спохватиться?
 - Это не исключено.
 - Признайтесь, что вы решили не вмешиваться и посмотреть, как мачеха к этому отнесется.
 - Возможно.
 - Вас удовлетворил бы раздел, не так ли? И вы ничего не сказали бы ни Шарлю, ни Арлетте?
 - Я не стану отвечать на этот вопрос.
 - Вы, кажется, убеждены, что на вас не найдется управы?
 - Я никого не убивал.
- Валентина заерзала, словно собираясь, как школьница, поднять руку и попросить слова.
- К вам у меня больше нет вопросов, - сказал Мегрэ.
 - Я должен выйти?
 - Можете остаться.
 - Я свободен?
 - Пока что нет.

Мегрэ снова принялся расхаживать по гостиной, лицо его слегка покраснело. Теперь предстояло заняться старой дамой.

- Вы все слышали?

- Все, что он сказал, - ложь.

Мегрэ вынул кольцо из жилетного кармана и показал ей:

- Вы отрицаете, что в вашей комнате находятся подлинные драгоценности? Может быть, вы хотите, чтобы я взял ваши ключи и принес драгоценности сюда?

- Это - мое право. Мой муж был согласен. Он считал, что его сыновья достаточно взрослые и сами позаботятся о себе, и не хотел оставить такую старую женщину, как я, без средств к существованию. Если бы детям все стало известно, они бы заставили все распродать и год спустя снова остались бы без копейки.

Мегрэ старался не смотреть на нее.

- Почему вы ненавидели Розу?

- Я не ненавидела ее. Я ей не доверяла, и события доказывают, что я была права. Это она невзлюбила меня, хотя я все сделала для нее.

- Когда вы обнаружили, что кольцо пропало?

Валентина открыла было рот, чтобы ответить. Но тут же взгляд ее стал холодным и злобным.

- Я не стану отвечать на ваши вопросы.

- Как хотите. - Он обернулся к Кастэну:

- Продолжайте записывать.

Он опять зашагал по комнате, заставляя подрагивать безделушки.

Потом заговорил:

- Вы это обнаружили, по всей вероятности, на прошлой неделе, еще до среды. Роза была единственным человеком, который мог выследить вас и похитить кольцо.

Вы, конечно, перерыли все ее вещи и ничего не нашли.

Когда же в среду она взяла выходной, вы пошли за ней по пятам и увидели, что она встретилась в Этрета с Тео.

И тут вы испугались по-настоящему! Вы не были уверены, сказала ли она ему о кольце. Но вы и без того подозревали, что его приезд сюда связан с драгоценностями.

Несмотря на отказ говорить, Валентина не сдержалась:

- Если бы он узнал, моя жизнь была бы под угрозой!

- Вполне вероятно. Заметьте, однако, что я вас ни о чем не спрашивал. Можете прерывать меня, когда у вас появится желание, но я не нуждаюсь в ваших подтверждениях.

Вы решили убрать Розу прежде, чем она успеет вас выдать. Во всяком случае, вы надеялись сделать это, и вы решили воспользоваться представившейся редкой возможностью. Третье сентября! Единственный день в году, когда собирается все семейство, которое, впрочем, вы ненавидите, включая и вашу родную дочь.

Она было снова открыла рот, но он не дал ей говорить.

- Вы знали о страсти вашей горничной к лекарствам, ко всем лекарствам, какие бы они ни были. Не сомневаюсь, что вы заметили, что она таскает их из вашей аптечки. По вечерам она, видимо, привыкла допивать ваше снотворное, которое оставалось на дне стакана.

Видите ли, преступление, которое здесь совершилось, - это преступление женщины, более того, старой женщины, живущей в одиночестве. Одно из тех преступлений, которые готовятся исподволь. Его лелеют долгие часы, постепенно оно обрастает все новыми и новыми деталями.

В самом деле, разве могут заподозрить вас в убийстве, если яд, судя по всему, предназначался вам? Подозрение неизбежно упало бы на вашу дочь, на других членов семьи. А вам достаточно было заявить, что напиток показался вам горьким и что вы сказали об этом горничной.

Хотя на самом деле вы, конечно, утаили это от Розы.

- Она все равно выпила бы!

Нет, старая дама не чувствовала себя раздавленной, как можно было предположить. Она по-прежнему была начеку, не пропускала ни одного слова из всего, что говорилось, и конечно же заранее готовила ответные удары.

- Вы были уверены, - продолжал Мегрэ, - что следствие поведет местная полиция и не заметит в этом деле ничего, кроме того, что лежит на поверхности. И, лишь узнав, что по просьбе Шарля Бессона из Парижа буду направлен сюда я, вы испугались.

- Как вы скромны, господин Мегрэ!

- Не знаю, скромн ли я, но вы допустили ошибку, примчавшись на набережную Орфевр с целью заручиться тем преимуществом, что вы-де сами обратились ко мне.

- А откуда, по-вашему, могла я узнать, что Шарль имеет в виду именно вас?

- Этого я не знаю. Эта деталь выяснится позже.

- Предстоит еще выяснить много деталей. У вас ведь нет ни одного доказательства, а вы рассуждаете так уверенно, господин комиссар.

Мегрэ оставил этот выпад без внимания.

- Это относится и к моим драгоценностям. Вот мои ключи. Они лежат перед вами, на столе. Поднимитесь наверх и ищите.

Он остановился, посмотрел ей в глаза, почувствовал новый поворот дела. Потом заговорил снова, словно беседуя сам с собой:

- А что, если, воспользовавшись поездкой в Париж, вы сдали их куда-нибудь? Впрочем, нет! Вы бы не упрятали их так далеко. В банк вы их не положили, остались бы следы.

Она насмешливо улыбнулась:

- Ищите!

- И найду.

- А если не найдете, значит, все, что вы здесь наговорили, гроша ломаного не стоит!

- Мы еще вернемся к этому в свое время.

Он горько пожалел, что в порыве гнева разбил графин со спиртным - теперь он охотно отпил бы глоток.

- Совсем не случайно, придя недавно пожелать вам доброй ночи, я рассказал вам о знакомстве Розы с Тео Бессоном и об их встрече в прошлую среду. Я знал, что это заставит вас действовать. И что, опасаясь, как бы я не допросил Тео, а он не заговорил, вы попытаетесь встретиться с ним и заставить держать язык за зубами, возможно навсегда. Я только не знал, как вы сумеете незаметно связаться с ним. Я не подумал о телефоне. Точнее, я не подумал о старой мадемуазель Серэ, которая живет в двух шагах от вас и которую вы привыкли навещать. - Он повернулся к Тео:

- Вы знаете ее?

- Я ее не видел много лет.

- Она калека?

- Еще в то время она была почти глуха и слепа.

- В таком случае не исключено, что именно у нее мы и найдем драгоценности.

- Вы придумываете одну небылицу за другой! - крикнула яростно Валентина. - Вы говорите, говорите, уверив себя, что так или иначе попадете в точку.

Вы, наверное, считаете себя ох каким циником!

- Вы от нее звонили Тео. И конечно, набирали немало номеров, прежде чем поймали его в каком-то из кабаков. Вы сказали ему, что хотите поговорить с ним.

Он все понял. А ведь вы вовсе и не собирались говорить с ним... Да, да, оба ваших преступления - не только преступления одинокого человека, не преступления старой женщины. Вы очень умны, Валентина!

Она вдруг приосанилась, польщенная, несмотря ни на что, этим комплиментом.

- Вам нужно было заставить замолчать Тео и сделать это так, чтобы комар - то есть я - носа не подточил.

Была, конечно, одна возможность, которая, вероятно, сошла бы гладко, но ее вы отвергли. Эта возможность - поделиться с Тео.

Но в вас слишком сильно чувство собственника. Одна мысль о том, что вам придется расстаться с частью этих драгоценностей, которые ничего вам не давали, да и никогда ничего бы не принесли, - эта мысль показалась вам настолько чудовищной, что вы предпочли пойти на второе убийство. И вы сказали Тео, чтобы он пришел к вам в полночь и никому не говорил об этом... Ведь именно так она сказала вам, господин Бессон?

- Вы понимаете, что мне затруднительно было бы ответить на этот вопрос. Как джентльмен...

- Вы негодяй! Хорош джентльмен, впутывающий служанку в семейные делишки да еще склоняющий ее к воровству только потому, что это, видите ли, его устраивает! Хорош джентльмен, хладнокровно посылающий вместо себя на смерть другого человека!

Во всяком случае, Бессон, после телефонного звонка Валентины вы одновременно и торжествовали и боялись, - продолжал Мегрэ. - Торжествовали потому, что добились своего, ведь ее звонок означал, что она готова делиться. Боялись потому, что слишком хорошо знали ее и отдавали себе отчет, что отнюдь не с легким сердцем она решила заплатить вам за ваше молчание.

Вы почували ловушку. Это свидание в полночь вам не слишком нравилось.

Вы вернулись в отель, чтобы хорошенько все обдумать. И вдруг вам повезло: позвонил бедняга Анри, который к тому же изрядно выпил... Совсем недавно мы с ним беседовали, и этот разговор заставил его задуматься. Ему захотелось повидать вас, не знаю точно зачем, возможно, и он о чем-то догадывался.

А вы послали его в разведку, наказав ему, чтобы он пришел сюда, в "Гнездышко", ровно в полночь. Иначе говоря, это он, Анри Трошо, должен был попасть в ловушку Валентины... - Мегрэ помолчал несколько мгновений, потом продолжал:

- Снимаю перед вами шляпу, мадам. Убийство Розы вы задумали безупречно. Но второе вы осуществили поистине с дьявольской ловкостью.

Вплоть до выключателя, который продемонстрировали мне сегодня вечером, - это ведь должно было послужить свидетельством, что в волнении вы могли забыть включить свет в саду.

И вот Анри убит. Брат и сестра в одну неделю!..

Знаете, что бы я сделал, не служи я в полиции? Я оставил бы вас здесь под охраной инспектора, а сам отправился бы в Ипор и поведал бы эту историю некоему Трошо и его жене. Я бы рассказал им, как, почему, и во имя чьих грязных целей и интересов они за несколько дней потеряли двух детей в расцвете сил! Я привез бы их сюда, вместе с братьями и сестрами ваших жертв, вместе с их соседями и друзьями...

Мегрэ увидел, как побледнел Тео, как он судорожно стиснул пальцами ручки кресла. Валентина вскочила и закричала вне себя:

- Вы не имеете права! Чего вы ждете, почему не отправляете нас в Гавр? Вы обязаны арестовать нас, во всяком случае меня.

- Значит, вы признаетесь?

- Ни в чем я не признаюсь! Но вы обвиняете меня и не имеете права оставлять меня здесь! ("Кто знает, - мелькнуло у нее в голове, - может, Трошю уже знают и сейчас нагрянут сюда?!") Мы в цивилизованной стране, и каждый должен быть выслушан судом!

Она судорожно прислушалась к шуму, доносившемуся с улицы, и чуть было не бросилась к Мегрэ, словно ища у него защиты. Уже отчетливо был слышен шум мотора, а потом шаги в саду.

Валентина была, казалось, на грани сумасшествия.

Лицо ее потеряло обычную привлекательность, в глазах стоял ужас, она впиалась ногтями в кулаки комиссара.

- Вы не имеете права! Вы не имеете...

Это не были Трошю, им еще ничего не было известно. Это прибыли из Гавра фургон и легковая машина с полицейскими и экспертами.

На добрых полчаса дом был отдан в их распоряжение.

Тело Анри вынесли на носилках. Эксперты фотографировали место преступления, собирали осколки стекла, которое раздробила пуля.

- Вы можете идти одеться, - сказал Мегрэ Валентине.

- А я? - спросил Тео Бессон, съежившийся, словно из него выпустили воздух.

- Вам, как мне кажется, предстоит уладить дела с собственной совестью.

Еще один автомобиль остановился на дороге. В дом ворвался Шарль Бессон:

- Что здесь произошло?

- Я ждал вас раньше, - сухо ответил Мегрэ.

Словно не понимая, что должна означать эта фраза, депутат стал оправдываться:

- По дороге у меня лопнула шина.

- Что побудило вас приехать сюда?

- Наш с вами недавний разговор по телефону, когда вы сказали мне о кольце.

- Понимаю. Вы узнали кольцо по моему описанию.

- Мне стало ясно, что Тео был прав.

- Значит, вам были известны подозрения Тео о том, что ваша мачеха сохранила подлинные драгоценности?

Он вам говорил об этом?

Братья холодно посмотрели друг на друга.

- Он мне этого не говорил. Но я все понял по тому, как он вел себя во время раздела имущества.

- Вы примчались, чтобы получить свою долю?

- Я ведь ни в чем не виноват. Кого сейчас отвезли в фургоне?

- Ответьте сначала, зачем вы приехали?

- Не знаю. Когда вы сказали мне про кольцо, я понял, что готовится какая-то мерзость. И подумал, что Тео попытается что-то предпринять, а Валентина не даст себя провести.

- Ну так вот, кое-что действительно произошло.

Только ваш старший брат позаботился о себе и вместо себя отправил на смерть другого.

- Кого?

- Анри Трошю.

- Родители... знают?

- Нет еще. Вот что я думаю: не послать ли мне вас сообщить им эту новость? Ведь как-никак вы их депутат.

- Наверное, я больше не буду депутатом после всего этого скандала. А Роза? Кто... ее?

- Вы не догадываетесь?

- Когда вы сказали мне о кольце, я подумал было...

- О вашей мачехе! Да, она. И вам придется все это объяснить вашим избирателям.

- Но я-то ведь ничего не сделал!

Прошло уже немало времени с тех пор, как Кастэн перестал записывать. С удивлением смотрел он на Мегрэ, машинально прислушиваясь к шагам наверху.

- Вы готовы? - крикнул комиссар, подходя к лестнице.

Валентина не отвечала. Мегрэ прочел опасение во взгляде инспектора.

- Не бойся! Такие женщины себя не убивают. Она будет защищаться до конца. Будет драться зубами и когтями, найдет деньги, чтобы нанять себе лучших адвокатов. Она знает, что сейчас уже не отрубают головы старым женщинам!..

И действительно, Валентина спустилась к ним, как всегда похожая на изящную маркизу, как в тот раз, когда Мегрэ увидел ее впервые. Безукоризненно причесанные волосы, большие светлые глаза, ни морщинки на черном платье, и огромный бриллиант на корсаже - видимо, одна из "подделок".

- Вы наденете на меня наручники?

- Я начинаю верить, что вам бы это доставило удовольствие: как же, это было бы так театрально и придало бы вам вид невинной жертвы. Ну-ка, парень, уведи ее...

- Вы разве не поедете с нами в Гавр?

- Нет.

- Вы вернетесь в Париж? - спросил Кастэн.

- Завтра утром, после того как зайду за драгоценностями.

- Вы сами пошлете рапорт?

- Составь его. Тебе ведь известно теперь столько же, сколько и мне.

Кастэн окончательно перестал понимать комиссара.

- А что делать с этим?

Инспектор указал на Тео, который курил сигарету и старался держаться подальше от своего братца.

- Он не совершил преступления, которое прямо подпадало бы под действие закона. Он слишком труслив для этого. Но ты сможешь вызвать его в любое время, как только он тебе понадобится.

- Могу я уехать из Этрета? - спросил Тео с явным облегчением в голосе.

- Когда угодно.

- Проводите меня, пожалуйста, до отеля, там остались мои вещи и машина.

Да, конечно, он не меньше, чем Валентина, боялся Трошю. Мегрэ кивнул одному из инспекторов, приехавших из Гавра.

- Проводите этого господина. И разрешаю на прощанье дать ему пинок под зад.

Выходя из "Гнездышка", Валентина обернулась к Мегрэ и проговорила, еле шевеля губами:

- Вы считаете себя очень хитрым. Но последнее слово не за вами!

Мегрэ взглянул на часы, они показывали половину четвертого утра. Сирена, оповещающая о тумане, все еще продолжала завывать в ночной темноте. С ним остался лишь инспектор из Гавра, который заканчивал опечатывать двери, и Шарль Бессон, не знавший, куда девать свое огромное тело.

- Теряюсь в догадках, почему вы так грубо разговаривали со мной. Я ведь ничего не сделал!

Это была правда. И Мегрэ почувствовал нечто вроде угрызения совести.

- Клянусь вам, я никогда не мог даже предположить, что Валентина способна...

- Вы можете поехать со мной?

- Куда?

- В Ипор.

- Вы очень настаиваете на этом?

- В противном случае мне пришлось бы разыскивать такси, что нелегко в такой час.

Он вскоре пожалел о своей просьбе: Шарль нервничал, машину швыряло из стороны в сторону. Остановился он как можно дальше от низкого домика, который пятном выделялся из тумана.

- Вас подождать?

- Сделайте одолжение.

Бессон, сидевший в дальнем углу темной машины, слышал стук в дверь и голос комиссара, который произнес:

- Это я, Мегрэ.

Шарль видел, как зажглась лампа, как открылась и закрылась дверь. Он откусил кончик сигары.

Прошло полчаса, за это время Шарля не раз подмывало уехать. Затем дверь вновь открылась. Три фигуры медленно приближались к машине. Мегрэ открыл дверцу и сказал приглушенным голосом:

- Меня вы по пути подбросите до Этрета, а их отвезете в Гавр.

Мать, в траурной вуали, оставшейся от похорон Розы, то и дело начинала рыдать, зажимая рот носовым платком. Отец не проронил ни слова. Мегрэ тоже молчал.

В Этрета, выйдя перед своим отелем, он заглянул внутрь машины, разжал было губы, но не нашел что сказать и только медленно снял шляпу.

Он не стал раздеваться и не лег спать. В семь часов утра он доехал на такси до домика престарелой мадемуазель Серэ. То же такси доставило его до вокзала, он как раз успел на восьмичасовой поезд. Помимо чемодана, в руке у него был небольшой сафьяновый кошель в чехле непорочно-голубого цвета - точь-в-точь как глаза Валентины.

<http://book.zehinli.info>